

Сергей Чупров

**Приключения
инопланетянина
в России**

Сергей Чупров

**Приключения
инопланетянина в России**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чупров С. Ю.

Приключения инопланетянина в России / С. Ю. Чупров —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Разведывательный корабль пришельцев терпит крушение возле планеты Земля. Пилоту удалось спастись, и он оказывается на мусорной свалке, где его находят ее обитатели – бомжи. Лишенный всех благ своей цивилизации, за исключением вшитого чипа-переводчика, космический разведчик начинает новую жизнь. Он знакомится с целой вереницей различных персонажей, отличающихся особенностями характера и занимающих различное положение в обществе. Как же удалось ему выкарабкаться из, казалось бы, безнадежной ситуации?

Содержание

Пролог	5
На дне.	7
Вода – начало всех начал.	17
Проба сил.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

Спасательная капсула стремительно приближалась к поверхности голубой планеты. Система жизнеобеспечения сработала исправно. И когда в двигателе моей научно-исследовательской лодки началась неуправляемая реакция, автоматика оказалась на уровне. Достаточно было нажать на красную кнопку, чтобы оказаться за пределами обреченного корабля. Жаль только, что не удалось прихватить с собой приборы, которые могли бы мне пригодиться в надвигавшейся на меня неизвестности. Но времени совсем не было. Катапультироваться пришлось буквально за секунду. Как был в душевой кабинке, в чем мать родила, так и отправился в путь.

Раздался оглушительный скрежет, удар. В голове как будто что-то взорвалось, и стало темно...

Сколько я провалялся в беспамятстве, никому не известно. Когда сознание ко мне вернулось, и я открыл глаза, то первым делом увидел ослепительный диск солнца, сиявший на небосклоне. Его свет был настолько ярким, что я поневоле зажмурился.

– Очухался? – послышался вдруг хриплый голос.

Я вновь открыл глаза и только тут заметил странного вида мужчину, склонившегося надо мной. Грязные, свалявшиеся волосы на голове смыкались с вклокоченной бородой. Его лицо представляло собой сплошные заросли, оставлявшие не тронутыми только область глазных впадин, из глубины которых на меня взирали мутные, водянисто-серые зрачки.

– Эко как тебя угораздило, – продолжил свою речь незнакомец.

Тут до моего сознания дошло, что я прекрасно понимаю слова этого неряшливо одетого аборигена. Не зря, значит, в свое время мне вшили микрочип-переводчик. Вот уж действительно не знаешь, когда и что может пригодиться! Этот микрочип – единственное, что осталось у меня от достижений нашей цивилизации и что напоминало мне о родной планете, затерявшейся в непостижимых далях космоса.

Я несколько не преувеличивал. Груда бесформенных и бесполезных обломков – вот все, что осталось от спасательной капсулы. И эти обломки удивительным образом вписались в местный ландшафт, представлявший из себя огромную свалку различных предметов.

К счастью по своему внешнему виду и строению тела я мало чем отличался от типичного представителя здешних обитателей. Единственное отличие заключалось только в слегка голубоватом оттенке моей кожи. Но и эта разница, как было выяснено еще в ходе предыдущих экспедиций на эту планету, быстро исчезала благодаря воздействию радиации местного светила. Практически идеально подходили и воздух, и вода. Видимо этим и объяснялся интерес наших ученых. Здесь все было, как и у нас, только много лет тому назад.

– Что? Кому-то не ко двору пришелся? Надо же, как тебя отделали! Хоть бы одежонку какую оставили. Ироды... – мужчина грязно выругался, смачно сплюнул и погрозил кому-то кулаком. – Надо бы тебе чего-нибудь подобрать. Негоже человеку голому ходить. Чай не обезьяна...

Слышать такие речи от незнакомца, по своему внешнему виду походившего на дикаря, было довольно забавно. Облачен он был в какие-то жуткие обноски. И только игра воображения могла подсказать, что некогда они являли собой вполне приличный костюм. Приличный по местным меркам, конечно.

– Давай знакомиться, – продолжал между тем оборванец. – Меня Потапычем кличут.

«Что за странное имя?» – подумал я.

– Вообще-то меня зовут Михаил. Миша. Можно Мишка, – бородач словно прочел мои мысли. – Вот наши и окрестили меня Потапычем. Но я не обижаюсь. Медведей у нас всегда так называли. Мишка – это ведь медведь. Михайло Потапыч значит. А что, звучит...

С этими словами он протянул мне мозолистую руку. Я машинально протянул свою в ответ.

– А меня Василием, – брякнул я первое, пришедшее на ум, распространенное здесь имя. Не представляться же своим настоящим. Он его и выговорить-то не сможет. Да и не поймет. Еще обидится.

Потапыч помог мне подняться, окинул меня критическим взором, покряхтел в кулак и глубокомысленно произнес:

– Выглядишь ты действительно неважно. Ишь, синюшный весь. Замерз, поди. Хоть и лето, но по утрам прохладно. Ладно. Потопали к нам в «берлогу». Там что-нибудь сообразим.

Так и началась моя новая жизнь. Жизнь на самом дне. На свалке, одним словом.

На дне.

До «берлоги» Потапыча мы добирались довольно долго. Поначалу я осторожно семенил за ним вслед, опасаясь пораниться о какой-нибудь острый предмет.

– Нет. Так дело не пойдет! – через несколько минут воскликнул мой новоиспеченный приятель. – Эдак мы и до вечера не доберемся.

С этими словами Михаил остановился, слегка прищурился и огляделся.

– Постой пока! – бросил он и быстрым шагом направился к груде мусора. Немного покопавшись в этой куче, Потапыч выудил оттуда пару стоптанных, но еще довольно крепких башмаков.

– На-ка вот! Примерь! По-моемому, сгодятся. И откуда такие неумехи только берутся? Свалился на мою голову! – посетовал Мишка.

Я с благодарностью натянул на свои ноги эту непривычную для меня обувь. Идти сразу стало легче.

Остаток пути мы проделали молча. Потапыч не приставал ко мне с расспросами. Впрочем, здесь это, как я потом заметил, было не принято. Люди попадали сюда по-разному и совсем не хотели, чтобы кто-то лез к ним в душу.

Такой неписанный закон дал мне определенную передышку и возможность собраться с мыслями, а также время придумать свою собственную легенду, исподволь собирая информацию из разговоров моих новых спутников по жизни.

Снаружи жилище обитателей свалки представляло собой довольно жалкое зрелище. Основой его служил старый, но еще относительно крепкий строительный вагончик, к которому для увеличения жилого пространства были прикреплены полустгнившие балки и доски. Выбитые стекла в небольших оконцах заменяли кое-как натянутые полоски полиэтиленовой пленки. А крышей служили куски ржавого кровельного железа, толи и шифера. Вход в это импровизированное строение был занавешен старыми выцветшими одеялами.

– Вот мы и дома, – оживился Потапыч. – Надо бы отметить твою прописку. Но что с тебя взять? Ладно, живи и помни нашу щедрость. Потом рассчитаешься. У нас здесь все общее. Ребята, я думаю, возражать не будут. Сейчас поглядим, может чего и осталось после вчерашнего...

Мой провожатый с вождением потер ладони, как-то странно сверкнул глазами и облизнулся. С этими словами он приглашающим жестом откинул одеяло и шагнул вовнутрь.

Внутреннее убранство лачуги соответствовало ее внешнему виду. Посреди небольшого помещения возвышался круглый колченогий стол, под ножки которого для устойчивости были подложены обрезки досок и кирпичи. Вокруг стола в беспорядке расположились разномастные стулья и ящики, приспособленные под сиденья. Под столом валялись пустые бутылки и банки.

Вдоль стен и по углам на полу виднелись кучи различного тряпья, на одной из которых, широко открыв рот, спал какой-то небритый детина.

– Эй, Доктор! Хорош дрыхнуть! Ты так и смерть свою проспичь! – заорал вдруг Потапыч. – Вставай! Встречай гостя!

Доктором оказался мужчина неопределенного возраста. Позже выяснилось, что родом он был из соседнего села. Раньше трудился фельдшером, но из-за пристрастия к «зеленому змию» вылетел с работы. Жена от него ушла, а дом по пьянке сгорел. Сам чудом спасся. Оставшись без кола и двора, прибил к таким же бедолагам, и в результате оказался на свалке.

– А? Что? Где? – встrepенулся Доктор.

– Да вставай же, наконец! – продолжал командовать Потапыч. – Гостя привечай!

Кряхтя и чертыхаясь, детина сначала стал на четвереньки, а потом с трудом поднялся.

– Алексей. Можно Леша или Доктор. Я уже привык, – представился он.

– А его Васькой кличут, – вмешался Потапыч. – Давай подберем ему что-нибудь из одежки. Разве не видишь, он совсем голый. Замерз бедняга. Кстати, у нас осталось чего-нибудь из согревающего? Вроде вчера не все прикончили.

– Найдется, – откликнулся Доктор.

Вдвоем они принялись примерять на меня различные обноски, доставая их из куч, разбросанных по полу.

Выбора у меня не оставалось. Поэтому я послушно напяливал на себя все то рванье, которое они мне предлагали. Через пару минут моя экипировка была закончена. Штаны, правда, оказались немного длиннее, и их пришлось подвернуть. Нашлись и более-менее подходящая рубашка, а также вполне сносный свитер.

– Ну, вот, – одобрительно пробасил Потапыч. – Теперь совсем другое дело.

Я взглянул на себя в осколок зеркала и обомлел. На меня смотрел какой-то чужеземец, одетый весьма колоритно, но со знакомыми чертами лица. Как все же одежда меняет человека!

Между тем Потапыч с Доктором развили бурную деятельность вокруг стола. Они стряхнули прямо на пол остатки бывшего пиршества. Достали чистую газету и расстелили ее вместо скатерти. Затем в их руках появились стеклянные стаканы, явно давно не мытые.

– Почти стерильно! – заявил Доктор, подув в каждый стакан, и поставил их на стол. Затем на свет появилась бутылка с мутноватой жидкостью.

– Первоклассный первач, – пояснил Потапыч. – Я вчера немного подхалтурил. Маруся, бывшая соседка Доктора, попросила электропроводку посмотреть и водопроводный кран починить. Вот и рассчиталась, чем могла. Самогон у нее что надо...

Как выяснилось позднее, Потапыч был поистине уникальным человеком. Родом из дворян. Родители дали ему хорошее образование. Он легко декларировал наизусть стихи известных поэтов, любил почитать перед сном. Книги находились здесь же, на свалке. Но больше всего он предпочитал возиться с железками, постоянно занимаясь их поиском в мусорных кучах. Во время такого рейда Михаил и набрел на меня...

Кем он только не работал в свое время. И электриком, и сантехником, и сварщиком, и еще Бог знает кем. Мастер на все руки, одним словом. Казалось, для него не было ничего невозможного. К примеру, одной хозяйке во время ремонта потребовалось передвинуть унитаз. Специалисты уверяли ее, что ничего не получится. Но женщина упорствовала. И тут появился Потапыч. Выслушав просьбу хозяйки, он немного подумал, а потом изрек:

– В жизни ничего невозможного нет. Не переживай. Как говорится: «Пусть волнуется море – оно большое». Придешь с работы, все будет готово.

И сделал. С той поры слава о его «золотых» руках пошла по всей округе. К нему образовалась очередь из желающих воспользоваться его услугами. Деньги текли к нему рекой, но он их не считал. Вместе с друзьями детства, соседями по двору проматывал их направо и налево. Вокруг него постоянно крутились желающие пожить за чужой счет. Но Михаил, или как его называли в то время, «Данила-мастер» (по аналогии с персонажем сказки П.П. Бажова «Каменный цветок»), не хотел замечать этого. Его широкая душа не принимала дурного.

Но вот беда. Каждый, в своем стремлении отблагодарить мастера за отличную работу, старался напоить его водкой. Да и дружки подначивали. И покатился Миша по наклонной дорожке. Семейная жизнь у него не сложилась. Семь раз он был женат. И каждый раз не долго. Какая жена выдержит беспробудное пьянство своего мужа? Если только такая же пьяница, как и он сам. А женщины ему попадались на удивление умные и красивые.

Закончилось все тем, что Михаил продал и «благополучно» пропил свою столичную квартиру. Так и оказался на свалке. При этом у него не было никакого сожаления об утерянном. Наоборот.

– Для меня свобода дороже всего, – любил повторять Потапыч. – Пил, пью и буду пить. Я ради водки всю свою жизнь положил и меняться не намерен.

Между тем Потапыч и Доктор продолжали суетиться вокруг колченогого стола.

– А где огурцы? Неужели все съели? – обратился Михаил к Доктору.

– Да вот же они, – откликнулся тот, ставя на стол трехлитровую банку с солеными огурцами.

– Это тоже от Маруськи. А еще она нас хлебом и консервами угостила. Так что живем...

Поймав в банке три огурца, Доктор положил их прямо на газету. Затем разломил остатки черного хлеба на три части. Сверху каждой он положил по маринованной кильке, оставшейся, судя по всему, с вечерней трапезы. Налил из бутылки по полстакана мутной жидкости и торжественно произнес:

– Прошу к столу!

Меня, как почетного гостя, усадили на хромоногий стул, а сами хозяева заняли места на ящиках.

– За знакомство! – произнес Потапыч и поднял стакан.

– С прибытием! – дополнил Доктор.

Они стукнули стаканом о стакан и посмотрели на меня.

– А ты чего? Брезгуешь?

– Да нельзя мне, – попытался отказаться я.

– Обижаешь, – с укоризной произнес Потапыч. – Мы к тебе со всей душой... Давай по первой!

Ничего не оставалось, как принять предложение. Чокнувшись с моими новыми приятелями, я с трудом заставил себя проглотить эту отвратительно пахнущую жидкость и чуть было не задохнулся. Внутри меня все загорелось. Дыхание перехватило. На глаза навернулись слезы.

– Классный первач! – резюмировал Доктор. – Градусов семьдесят. Ничего. Сейчас все пройдет. Привыкнешь. Это я как врач говорю. А тебе только на пользу. Всю заразу вытравишь. Да и согреешься. Замерз, поди, гольшом-то?

Чувство тошноты, подступившее к горлу, стало отступать. В голове зашумело и меня бросило в жар.

– Закуси! – Доктор протянул мне соленый огурец, с хрустом откусил от своего и принялся жевать.

– Ты пить или жрать будешь? – укорил своего приятеля Потапыч. – Закуси и так мало. Однако... С опозданием выпитая вторая полностью аннулирует результаты первой.

С этими словами он плеснул в стаканы новую порцию отравы. В том, что это был яд, у меня не было сомнений. Безвредная жидкость на организм так воздействовать не может. Но яд такой, что сразу не убивает. Иначе, зачем бы мои сотрапезники, стали бы его употреблять? А действительно, зачем?

«Ладно. Всему свое время. Разберусь...», – подумал я и последовал примеру хозяев.

Крякнув, Потапыч с Доктором схватили по куску хлеба с килькой и с видимым удовольствием стали его нюхать. Меня разобрало любопытство, и я сделал то же самое. Результат оказался поразительным. Запах хлеба заглушил вонь самогона и исключил, как мне показалось, реакцию отторжения организма. Во всяком случае, тошноты я уже не почувствовал.

– Закуривай! – Потапыч протянул мне замызганную пачку с набитыми чем-то бумажными палочками.

– Не хочу, – отрезал я.

– Не хочешь, как хочешь. Нам больше достанется.

С этими словами Потапыч протянул пачку Доктору. Они вытащили из пачки по палочке. Сунули их в рот, подожгли с одного конца и, вдохнув, выпустили из себя клубы едкого сладковатого дыма. Мне стало дурно. Тошнота вновь подступила к горлу, а в голове зашумело еще больше.

На некоторое время я отвлекся, пытаюсь справиться с охватившими меня симптомами отравления, а когда стал способен вновь адекватно воспринимать происходящее, услышал залиvistый смех. Это Михаил делился своими воспоминаниями о том, как он в свое время, будучи привлеченным к строительству ракетододрома где-то в Азии в качестве сварщика, бегал по пустыне в соседний поселок за водкой.

– Так вот, – обращаясь ко мне, продолжил Потапыч. Он и не заметил, что на некоторое время его собеседник был «выключен». – Добравшись на попутке до поселка, а до него, как уже говорилось, было верст пять, не меньше, я направился к магазину. Подхожу, а там – длинная очередь. Если стоять, то к вечеру может быть и подойдет. Ты ведь помнишь. Такое было время. Тогда повсеместно боролись с алкоголем. Самое интересное, что эти самые борцы, втихую от всех, себе в водочке не отказывали, а народ заставляли мучиться в очередях. Ничего из этого, естественно, не вышло. Запретами и ограничениями вопросы не решаются. Наш народ на выдумки горазд, если захочет, обязательно что-нибудь придумает. Это так, к слову.

Потапыч на секунду замолчал, откусил от огурца, почмокал губами и продолжил:

– Подхожу, значит, к магазину, а сам присматриваюсь. Не мелькнет ли знакомая физиономия. Кое-кого из тамошних дельцов я знал. Накинешь процентов десять – пятнадцать сверху – и никакой очереди. Бери, сколько хочешь... Мои поиски увенчались успехом. Целую сумку затарил. Благо денег у меня всегда было хоть отбавляй, и направился назад, на стройку. Попутки не предвиделось, и мне предстояло путешествие по пустыне. Я решил двигаться напрямки, а не по дороге. Так короче. По песку, надо признать, идти удовольствия мало. Но ничего. Не впервой. Так вот, вышел я из поселка и потопал по пустыне. Прошел где-то с километр. Смотрю – верблюд. Не домашний и не из зоопарка, заметь, а дикий. А было время гона. Это когда верблюды себе пару ищут. Чем-то я этому верблюду не понравился. Он посмотрел на меня и двинулся в мою сторону, все увеличивая скорость.

Тут Михаил вновь замолчал, подцепил из консервной банки кильку, пожевал и вернулся к своему рассказу:

– Представляете себе эдакую махину. При беге ее корму заносит на полтора-два метра. Наскочит – раздавит в лепешку. И глазом не успеешь моргнуть. Меня обуял страх, и вместо того, чтобы побежать в сторону поселка, до которого было рукой подать, я рванул домой. Так быстро еще никогда не бегал. Сначала в руках держал сумку с водкой. Жаль было расставаться с родимой. Но когда увидел, что верблюд меня догоняет, бросил ее на песок. Жизнь-то дороже. Так и давал стрекача до самой стройки. Проклятая животиная отстала только возле КПП. Еле отдышался. Думал все, конец. Но ничего. Отошел помаленьку. А на утро меня жаба душиТЬ стала. Это что же такое получается? Водка в пустыне осталась! Попросил у ребят подмоги. Ведь не только для себя старался. Ну и пошли мы. Уже втроем. Верблюда нигде видно не было. Удрал, скотина. Память у меня хорошая, и мы достаточно быстро нашли бесценный груз. Сумка так и лежала на песке. Ни одна бутылка не разбилась. Такие вот дела. Ну и посмеялись мы тогда...

За разговорами, перемежавшимися распитием первача, время летело незаметно. И вот что удивительно. Я больше не чувствовал отвращения к этому сомнительному напитку. Более того, окружение стало казаться мне довольно милым. Перестала бросаться в глаза убогость обстановки, бессмысленность информации, которую излагали мои сотрапезники. Наоборот, я почувствовал какой-то необъяснимый прилив энергии, настроение резко улучшилось. Мне самому захотелось что-то рассказать. Меня просто распирало. И только боязнь выдать себя не позволила мне «блеснуть» в глазах окружающих своей исключительностью.

Вечерело, и наша скромная обитель стала заполняться ее остальными обитателями.

– По какому случаю гуляем? – в помещение ввалился широкоплечий нескладный верзила с чересчур длинными руками в сопровождении тщедушного человечка в очках с треснувшими стеклами.

На верзиле были коричневые штаны, заправленные в большущие резиновые сапоги. Широкий торс облегла красная выцветшая рубашка в масляных пятнах. Левый глаз прикрывала повязка из некогда черной ткани. Лицо его покрывала редкая рыжая щетина. И только по ней можно было догадаться, какого цвета у него свалывшиеся и торчавшие в разные стороны волосы. Ни дать, ни взять – разбойник с большой дороги. Не хватало лишь сабли или тесака за поясом. Тогда картина была бы полной. Вот только добродушная улыбка никак не вязалась с его грозным обликом.

– Это ты, Базилио? – отозвался Потапыч, который явно был здесь за старшего. – Проходи. Присаживайся. У нас пополнение. Сегодня отмечаем прописку новенького. Васькой его зовут.

– Владимир, – густым басом представился верзила. – Можно Вова. Для своих Базилио. Эту кликуху мне Потапыч приклеил. Вот и прижилась. А я не обижаюсь. Понимаю, что это из-за глаза. Глаз-то я по дурусти и по пьянке потерял. Но это давно было...

Закончив свою тираду, Базилио пожал мне руку крепким рукопожатием и уселся на ящик рядом с Доктором.

– А тебе особое приглашение требуется, Профессор? – обратился Потапыч к человечку в треснувших очках.

Мне показалось, что бедняга стал еще меньше. Быстро заморгав, он неуверенно засеменял по направлению к столу и остановился возле меня.

– Дмитрий, – проблеял очень худой на вид человечек с бедной соками и кровью кожей, узкими плечами и плоской грудной клеткой. На его вытянутом лице выделялся длинный и тонкий нос.

Облачен он был в еще неплохо сохранившийся, но сильно помятый костюм бутылочного цвета, с которым неплохо смотрелась в желтую клетку рубашка. Ее расстегнутый ворот открывал тонкую, давно не мытую шею. На ногах красовались выдавшие виды лакированные туфли.

– Василий, – представился я.

– Профессор! – рявкнул на Дмитрия Потапыч. – Ты не стеклянный! Садись, давай!

Хлопнув по сутулой спине Дмитрия своей волосатой лапой, Михаил смягчился:

– Ладно, не обижайся.

– Он у нас уникал, – пояснил Базилио. – Совершенно не приспособленный к жизни человек. Даром что младший научный сотрудник. В своем НИИ такие химические эксперименты ставил, что и описать невозможно. Вот его и использовали все, кому не лень. Вытянули все соки, а потом, когда время пришло барыши делить, на улицу выкинули. Понятное дело – запил человек от обиды. А поддержать-то некому. Семьи нет, дома нет. Его даже из общаги поперли...

– Ничего! – бросил Потапыч. – Мы с ним такой самогонный аппарат забабахаем, что всем на зависть будет. Верно, Профессор?

Человечек только кивнул в ответ.

– Ну! Докладывайте, что там из вашей затеи получилось? – повернулся Потапыч к Базилио.

– Да погоди ты! – огрызнулся тот. – Дай в себя придти. Давай сначала выпьем. Потом все расскажу.

С этими словами Владимир вытащил из большой хозяйственной сумки, которую он принес с собой и поставил рядом со своим стулом, три бутылки водки. За ними последовали две буханки черного хлеба, пять банок кильки в томате, четыре луковицы и батон вареной колбасы.

– Гуляем! – оживился Доктор и принялся откупоривать бутылки.

Поставив на стол недостающие стаканы, он стал резать колбасу и хлеб здоровенным ножом. Профессор между тем занялся банками, а Базилио – луковицами.

На вкус водка оказалась не такой противной, как самогон. Однако усиливавшееся отравление алкогольным ядом и нахождение в прокуренном помещении стали сказываться. Эйфо-

рия сменилась апатией. Я все хуже понимал происходящее. До меня доходил лишь общий смысл разговоров. Было только понятно, что Базилио с Профессором договорились с местными дельцами о работе по сбору цветного лома, за что и получили аванс. Именно на этот аванс они и купили все то, что доставал из своей сумки Базилио. Работы планировалось начать с завтрашнего утра.

Веки у меня стали смыкаться, и я начал клевать носом. Заметив мое состояние, Потапыч сжалился надо мной и посоветовал идти спать, указав на кучу тряпья. И только мое тело приняло горизонтальное положение, как я моментально провалился в глубокий сон...

Утро было безрадостным. Мучила жажда. Все тело ныло. Мышцы затекли. Складывалось такое ощущение, что меня жестоко избили. Голову как будто сжали железным обручем. Мысли путались, и мне с трудом удалось восстановить в памяти события вчерашнего дня.

– Хорош дрыхнуть! – раздался громоподобный глас Потапыча, и тут до меня дошло, что именно шум, производимый этим неутомимым человеком, и стал причиной моего пробуждения.

– Доктор, Базилио! – продолжал бушевать Михаил. – Подъем! Профессор! Ты живой? А, вот и новенький проснулся! Давайте, ребята! По пятьдесят грамм – и на работу!

– Умыться бы... – с трудом поднявшись, жалобно простонал я.

– Удобства во дворе, – отозвался Потапыч. – Как выйдешь, сразу направо. Там бензобак подвешен. Кстати, вода заканчивается. Завтра с утраца пораньше вместе с Профессором сгоняете на колонку.

Место для умывания долго искать не пришлось. Как и сказал Михаил, с правой стороны на вкопанных в землю ржавых швеллерах был установлен и закреплен стальной проволокой плоский бензобак литров на 70, не меньше. Этот чудо-умывальник служил одновременно и душем.

«Потапыча рук дело, – догадался я. – Не растерял еще навыки обращения с железом».

Немного поодаль стояло сколоченное из старых досок и слегка покосившееся сооружение.

«Интересно, а это что? – подумал я и тут же понял предназначение данного строения, открыв скрипучую дверь. – Отхожее место».

Справив одно важное дело, я подошел к баку и, открыв кран, ввинченный в его днище, с наслаждением подставил воспаленную голову под струю прохладной воды, полившуюся сверху. Затем, недолго думая, скинул с себя нехитрую одежку и, оставшись в чем мать родила, принял душ.

Настроение заметно улучшилось. Особенно после того как энергично растерся неким подобием полотенца, висевшим на суку засохшего дерева.

«Что дальше? – мысленно спросил я себя. И тут же резюмировал: – Надо приглядываться, набираться опыта. Действовать как все. Придерживаться принятых здесь правил игры. Вживаться, одним словом...».

Процедура с утренним туалетом заняла не так уж и много времени, поэтому меня несколько озадачил вопрос Потапыча о том, где я пропадал так долго. Вся компания уже восседала за столом и с нетерпением ожидала моего возвращения.

– Ну чего ты пристал к человеку? – ответил за меня Базилио. – Не видишь, маетно ему...

– Сейчас станет как огурчик, – смягчился Потапыч.

– Присаживайся! – продолжил за него Доктор. – Будем здоровье поправлять.

На столе уже стояли наполненные до половины стаканы, остатки вчерашнего ужина были «по-братски» разделены на всех присутствовавших.

– Может не надо? – заняв отведенное мне место, проканючил я.

– Пей! – скомандовал Доктор. – Сейчас человеком станешь.

– Ну, здравы будем! – поднял свой стакан Потапыч. – За нас, за мужиков!

Мне пришлось сделать над собой отчаянное усилие. Меня чуть не стошнило, когда я поднес стакан к губам, и в нос ударил запах вчерашней отравы.

– Пей! Чего сопли жуешь! – заметив мою нерешительность, скомандовал Доктор. – Сейчас лучше станет!

Преодолевая из последних сил отвращение, я одним залпом осушил стакан. Глубоко вздохнув и затаив дыхание, мне удалось преодолеть подступающие к горлу приступы рвоты, физически ощущая, как обжигающая жидкость разливается по моим кишкам.

Секунд через десять тошнота отступила. Внутри стало ощущаться тепло. В глазах появилась резкость. Вернулись краски жизни.

Это было непередаваемое ощущение. Но я знал, что данное явление – временное. С физической точки зрения новая порция отравляющего вещества остановила процесс выведения токсинов из организма, и его внутренние ресурсы переключились на переработку вновь поступившей дозы яда. «Ломка» на время прекратилась.

Но мне было также известно нечто такое, о чем местные аборигены, судя по всему, даже не догадывались. Они и не подозревали, что употребляя токсичные вещества, берут энергетический кредит у неких «тонких сущностей», которые затем с лихвой вернут себе проценты. Проценты в энергетическом эквиваленте естественно. Механизм высасывания энергии довольно прост. Существо, получившее такой кредит в виде любого токсичного вещества, чувствует временный прилив энергии, выражающийся в состоянии некоторой эйфории. Затем наступает расплата. Бедняга платит по счетам, отдавая уже свою жизненную энергию. Самочувствие данного индивидуума резко ухудшается, и когда существу становится совсем плохо, ему предлагают выбор: либо рассчитываться до конца с еще большим ухудшением общего состояния, либо взять еще один кредит со всеми вытекающими последствиями. Как правило, желание быстро вернуть хорошее самочувствие перевешивает. Кредит возобновляется, но уже с большими процентами. И так продолжается до тех пор, пока с бедняги взять уже будет нечего. Существо погибает, а «тонкая сущность» отправляется на поиски новой жертвы. Вот и получается, как пелось в одной старой песенке землян, что «в борьбе с зеленым змеем побеждает змей...»

У нас на планете эти азбучные истины, связанные с проявлениями так называемой «борьбы сил добра и зла», проявлениями, которые на самом деле являются следствиями воздействий абсолютно бездушных, но невидимых для нашего мира сущностей, преследующих только одну цель – получить максимальное количество энергии живых существ, известны каждому. У нас – да, но здесь люди, судя по всему, пребывали в полнейшем неведении...

– Чего расселись! – прервал мои размышления голос Потапыча. – Пора на работу! Базилио! Ставь задачу!

– Значит так, – начал тот и довольно путано изложил суть наших действий.

Нам предстояло, разгребая кучи с мусором, выскивать цветной металл: обрывки проволоки, различные предметы и прочий хлам. Найденное мы должны были складывать на краю свалки, а затем грузить на машину заказчика, которая ожидалась к вечеру. Расчет за работу, как говорится, «на месте».

Весь день я вместе со свои новыми «друзьями» выскивал, а затем таскал к месту загрузки куски металла. В качестве сторожа мы отрядили Профессора. Все равно, по выражению Потапыча, толка от него не было. А вот риск, что результаты наших трудов могут умыкнуть, имелся. Стоило посмотреть, с каким чувством преисполненного долга выполнял свои функции Дмитрий. Не имея возможности взвешивать, он тщательно пересчитывал приносимые нами куски металла и записывал карандашом в своем блокноте. У него было зафиксировано все: кто, сколько раз принес, какое количество и т.д. Сказывалось его природное стремление иметь дело с цифрами. Он вообще чувствовал себя гораздо увереннее в обращении с бумажками, нежели с людьми.

Работа по поиску цветных металлов продолжалась целый день без перерыва на обед. Потапыч разрешал только короткие «перекуры». Во время таких пауз мы усаживались прямо на кучи мусора, Михаил доставал пачку с палочками (сигареты, так называлась эта отравка), широким жестом угощал желающих и, выпуская клубы едкого дыма, с глубокомысленным видом принимался за воспоминания о былой жизни. О том, как он пил, как гулял, где бывал и что видел.

Я заметил, что Михаил – открытый и отзывчивый человек. Ему не чуждо чувство сострадания, готовность прийти на помощь. Это, бесспорно, был лидер. Люди интуитивно чувствовали его природное благородство, широту души и физическую силу. Но иногда, как я имел возможность впоследствии убедиться, на него находила хандра. Тогда он заявлял, что ему нужно отоспаться, дескать, «сон напал», и посылал всех и вся к какой-то «бененой маме». Так он мог проспать сутки, а то и более. Видимо того требовал его отравленный алкоголем и сигаретным ядом организм. На время «отдыха» Потапыча бразды правления в нашей общине брал на себя Базилио.

Часам к четырем дня по местному времени мы натаскали довольно внушительную кучу предметов из меди, алюминия, латуни и других цветных металлов. Чуть позже подъехали заказчики, и мы начали забрасывать собранное в кузов грузовой машины.

Приехавший вместе с водителем мужчина, крепкого телосложения и остриженный наголо, был немногословен. По его внешнему виду я так и не понял, доволен ли он результатами нашего труда или нет. Кивнув Базилио, крепыш отошел вместе с ним в сторону и, о чем-то переговорив, скомандовал водителю, чтобы тот рассчитался.

Водителем оказался парнишка лет двадцати, одетый в рубашку в широкую клетку, тренировочные штаны и кроссовки. Грациозно изогнувшись, паренек вытащил из-под сиденья четыре бутылки водки, две краюхи черного хлеба и несколько банок говяжьей тушенки.

– Одной бутылки явно не хватает, – заметил Потапыч. – Нас же пятеро.

– Ладно, учту. Завтра в это же время, – на прощание бросил бритоголовый и прыгнул в кабину. Водитель повернул ключ зажигания, запуская стартер. Мотор пару раз чихнул, выбросив клубы сизого дыма, заурчал, и машина тронулась с места.

– На сегодня шабаш, – скомандовал Михаил и, обращаясь ко мне с Дмитрием, пробасил: – Завтра ты и ты, отправляетесь в соседнее село за водой. Профессор, новенький не в курсах, так что вся ответственность на тебе. Ты меня понял?

С этими словами Потапыч ткнул Дмитрия в грудь.

– Все будет в ажуре, мастер, – явно желая подлизаться, откликнулся тот.

В наше пристанище мы возвращались с чувством исполненного долга. Не скрою, и у меня было такое ощущение, что я выполнил очень важную задачу, и по возвращению меня ждет заслуженная награда.

– Отделение! Стой! – скомандовал вдруг Потапыч.

В «срочную» он служил замкомвзвода и, видимо, не забыл армейские привычки. Продолжая куражиться, Михаил с ухмылкой закончил:

– Всем можно оправиться и перекурить! Затем объявляется генеральная уборка. Грязью заросли, словно свиньи! На все про все даю полчаса!

Доктор, Базилио и Профессор, удрученно вздохнув, скрылись в домике.

– И как тебе у нас? – остановил меня Потапыч, жестом приглашая присесть на березовые пеньки, в живописном беспорядке расставленные слева от входа в «берлогу».

– Спасибо. Все хорошо, – ответил я.

– Ну-ну. Привыкай. По себе знаю, что это не просто. Запомни главное. У нас – свобода. Мы никого к себе не зовем, и никого ни к чему не принуждаем. За исключением общепринятых правил. Согласись, что мочиться под стол, за которым сидишь, это не по-людски. Эlemen-

тарный порядок должен соблюдаться. И кто-то за этим порядком обязан следить. Я, например. Все ясно?

– Можешь не продолжать. Мне и так все понятно.

– А коль понятно, так не заставляй больше коллектив ожидать себя, как это было утром.

Договорились?

– Договорились, – с улыбкой ответил я.

– Ну, коли так, тогда пошли. Посмотрим, что там наши учудили, – Михаил встал и направился к входу в вагончик.

Навстречу нам с помятым ведром, заполненным доверху пустыми бутылками, консервными банками, промасленными обрывками старых газет и прочим мусором, выскочил Профессор. Отойдя метров на сто, он вывалил содержимое в одну из многочисленных куч всяческого хлама и потрусил в нашу сторону.

Зайдя в помещение, я обратил внимание на относительную чистоту, которую успели навести эти трое. Стол был застелен свежими газетами. По его центру расположилась алюминиевая миска, в которую заботливо были выложены огурцы, остававшиеся от Маруськиного дара. Рядом, прямо на газете, красовалась краюха черного хлеба, нарезанная толстыми ломтями. Банки с тушенкой были уже вскрыты и тоже поставлены на стол. Картину дополняла пара гнутых вилок, а также уже открытая, но еще не тронутая бутылка водки и неременный атрибут каждого застолья – стеклянные стаканы.

– Вот это другое дело, – довольно прогудел Потапыч, оценивая труды наших товарищей. – За таким столом и потрапезничать приятно.

Все расселись в том же порядке, что и вчера. Видимо у каждого здесь было свое, строго определенное место.

Остаток дня прошел за шумной пирушкой. Тост следовал за тостом, перемежаясь рассказами о былых приключениях и похождениях. Даже Профессор поведал о том, как еще в школе на уроках химии его заинтересовал процесс дистилляции. А когда они проходили спирты, он вместе со своим закадычным приятелем решил попробовать данный им для опытов спирт на вкус.

– Представляете, – захлебываясь от смеха, выдал из себя Дмитрий, – Училка, видимо, заметила это и стала всех страшать последствиями отравления метиловым спиртом. Сначала, дескать, расширяются зрачки, и ухудшается зрение, потом слух... Ну а мы, уши-то развесили, и давай проверять друг друга. Не расширились ли зрачки. Вот страху-то натерпелись. Разве могли мы знать, что во избежание случайных отравлений, ведь у метилового спирта даже пары ядовиты, школьникам разрешалось иметь дело исключительно с этиловым.

Подняв глаза вверх, видимо что-то вспоминая, Профессор вновь продолжил:

– Однако с тех пор интерес к химии не угас. Наоборот, мы с корешами решили гнать самогонку, используя полученные в школе знания. Поставили брагу в пятилитровых банках и стали разыскивать необходимое оборудование в магазинах. Естественно из нашей затеи ничего не вышло. В те времена купить змеевик, я уже не говорю о дистилляторе, в магазине, даже специализированном, человеку с улицы было невозможно. Не то, что сейчас... Да и брага скоро закончилась. Мы ведь каждый день пробовали, что получается. Даже до кондиции ей дойти не дали. Эксперимент, в общем, закончился не удачно. А интерес к химии остался...

– Вот, вот, – подхватил Потапыч. – Я и говорю, что мы с тобой такой самогонный аппарат смастерим, что в пору Нобелевскую премию давать. Эх, и заживем мы тогда...

Сидеть далее в насквозь прокуренном помещении стало невмоготу. Сославшись на недомогание, я вышел на воздух и некоторое время, сидя на пеньке, разглядывал звездное небо, стараясь отыскать среди мириадов звезд, ту единственную, родную.

«Удастся ли когда-нибудь вернуться домой?» – с ностальгией подумал я и, отогнав от себя невеселые мысли, со вздохом встал. Пора было возвращаться. Новые приятели могли превратно истолковать мое долгое отсутствие.

Однако мои опасения оказались беспочвенными. За столом сидел только Профессор. А остальные, даже не сбросив свою обувь, видимо устав от «трудов праведных», крепко спали, расположившись на кучах тряпья как на матрасах. Обсудив с Дмитрием детали утреннего похода за водой, я тоже последовал их примеру. Так закончился мой второй день проживания на свалке.

Вода – начало всех начал.

Утром я встал ни свет ни заря. Все, за исключением Профессора, еще спали. Мышцы немного ныли, сказывалась вчерашняя нагрузка. Шутка ли, сколько металла перетаскали, но в целом самочувствие было хорошим. Мои ухищрения не прошли даром. Мне удалось лишь делать вид, что я вливаю в себя алкогольную отраву. Несколько глотков сделать все же пришлось, но львиную долю этого пойла я благополучно сплавил Профессору. Тот, если и заметил мои уловки, вида не подал. Его привыкший к водке организм легко принял на себя дополнительную нагрузку.

Выйдя на свежий воздух, я совершил небольшую пробежку вокруг вагончика, твердо решив вернуться к своей привычке делать по утрам специальный комплекс упражнений. Мне было совершенно ясно, что утренняя зарядка просто необходима. Здоровье растерять легко, а восстановить его непросто.

Смысл моих манипуляций сводился к тому, чтобы поддержать в тонусе мышцы скелета. Без этого я рисковал заполучить целый букет различных заболеваний, начиная с радикулита и кончая расстройствами сердечно-сосудистой системы.

После утренней зарядки и принятия душа я почувствовал себя намного лучше. Ко мне вернулась бодрость не только тела, но и духа. Вновь появилась острота ощущений. Захотелось полюбоваться восхождением на небосклон местного светила – солнышка, как любовно называли его мои новые товарищи.

Все бы хорошо, если бы не отвратительный запах гнили, наполнявший воздух. Но по-другому и быть не могло, ведь нас окружала свалка, где в огромных кучах разлагались продукты жизнедеятельности местной цивилизации. Как все-таки варварски относятся люди к природе на своей планете!

Однако пора было прекращать свои наблюдения и возвращаться к прозе жизни. В «берлоге» меня ждал Профессор, наступало время отправляться за водой. Ее запасы заканчивались не только в бензобаке для душа, но и в пластмассовых бутылках, стоявших в жилом помещении. Еще не много и пить будет нечего. А этого, естественно, допускать было нельзя.

Нам предстояло сделать несколько ходок, а потом присоединиться к сбору цветных металлов. Задачу облегчало устройство, в котором явно угадывалась рука Потапыча. Основу данного «шедевра технической мысли» составляла переделанная детская прогулочная коляска. От прежней ходовой части остались только колеса. Все остальное Михаил заменил и усилил, особенно оси. А по-другому и быть не могло, ведь на коляску, или точнее на то, что от нее осталось, он установил и закрепил кожаными ремнями, а также мягкой проволокой довольно чистый сорокалитровый молочный бидон. Естественно, одному человеку провести такую тяжесть по захламленной территории свалки, или полигона, как ее официально именовали, было бы затруднительно.

Порожняком путь до колонки мы проделали довольно быстро. Тем более что село располагалось не очень далеко от края свалки. Учитывая несоразмерность территорий – полигон по своим размерам был куда больше – правильнее было бы сказать, что село лежало на краю свалки. Колонка же располагалась на ближайшей к нам улице, примерно в ста метрах от начала этого небольшого населенного пункта. Поскольку было еще довольно рано, прохожих на улице при первом заходе мы не встретили.

После того как мы заполнили бидон водой, перед нами встала задача довести его до места назначения. Стоит ли говорить, что основные усилия пришлось на «нашу» территорию.

– Первым делом затариваем емкости в доме. Если ребята встанут, а воды не окажется, нам достанется..., – заявил Профессор.

«Как же мы это сделаем? – подумал я. – Если станем наклонять бидон, то рискуем пролить всю воду».

Но решение оказалось куда проще, чем можно было ожидать. Рядом со входом в вагончик с правой стороны виднелось плоское возвышение с пологим спуском. Я вспомнил, что обратил на него внимание еще тогда, когда Михаил привел меня сюда. Внимание-то обратил, а расспросить, зачем оно, забыл. Теперь ответ на этот вопрос стал вырисовываться.

Вдвоем мы с трудом затолкали коляску с бидоном на площадку и, подложив под колеса камни, чтобы не скатилась, откинули крышку. Профессор, нырнув в вагончик, притащил пустые пластмассовые бутылки и поставил их в вырытую для этого выемку. Затем в ход пошел небольшой отрезок специально припасенного пластмассового шланга. Вставив один его конец в бидон, а другой в бутылку, предварительно всосав в себя воздух из нижнего конца, Дмитрий с удовлетворением принялся наблюдать, как живительная влага самотеком стала наполнять сосуд для питьевой воды.

Вся процедура заняла минут десять. Первая задача была решена. Оттащив бутылки со свежей водой в дом, мы слили ее остатки в ведро, одна сторона которого была немного приплюснута, образуя некое подобие носика. Затем повесили шланг на гвоздь, закрыли на бидоне крышку и вынули из-под колес камни. Пора было делать вторую ходку.

Не зря говорят, что знакомая дорога кажется короче. Мы без всяких хлопот добрались до колонки, сделали свое дело и уже отправились в обратный путь, как вдруг нас остановил чей-то женский голос:

– Дима! Пстой! Мне с тобой поговорить надо!

– А, да это Маруська, – пояснил Профессор. – Та самая, которая нас огурцами солеными угостила.

Маруської оказалась среднего роста лет пятидесяти грузная дама с широкими бедрами и слегка одутловатым лицом. Черное свободного покроя платье с небольшим декольте пыталось скрыть отсутствие талии. Довольно выпуклый животик и небольшие мешки под глазами говорили о том, что перед нами человек, любящий вкусно поесть и крепко выпить. Ей очень шли коротко стриженные черные с проседью волосы. Едва уловимые признаки давали возможность представить, какой красавицей она была в молодости.

Весь ее внешний облик никак не соответствовал имени, которым навали эту дородную женщину мои приятели. В моем представлении Маруська больше увязывалась с хрупкой молоденькой девушкой, нежели с выдавшей виды матроной.

– Слушаю вас, Марья Петровна, – остановившись, откликнулся Профессор.

«Да, – подумал я, – именно так ее и следует называть. А то Маруська какая-то!»

– А это кто? – кивнув в мою сторону, спросила Марья Петровна. – Что-то я раньше его не видела.

– Это новенький, – простодушно ответил Дмитрий. – На днях к нам прибился. Парень, вроде, ничего...

«И на том спасибо», – пронеслось у меня в голове.

– Да? Ну ладно. Я собственно вот по какому вопросу. Дело у меня к вашему Потапычу. Есть одна задумка, надо бы обсудить. Если возьмется и сделает все по уму – не обижу. Ты меня знаешь, я баба не жадная. Пускай завтра с утраца подходит и с собой кого-нибудь в помощники прихватит. Так что? Передашь?

– Конечно. Можешь не сомневаться! Завтра жди гостей!

С этими словами Дмитрий толкнул коляску, и мы двинулись своей дорогой.

– Перекур! – с чувством выполненного долга заявил Профессор, когда мы добрались до дома. – Поправиться бы надо, а то голова трещит...

– Давай, а я здесь на пеньке посижу.

Дмитрия не пришлось уговаривать. Махнув на меня рукой, он скрылся в «берлоге» и через пару минут вернулся с довольной ухмылкой на лице.

– Я не сомневался, что ребята о нас не забудут, – откусив от луковицы, заявил повеселевший Профессор. – А ты чего сидишь? Там и на твою долю осталось...

– Да не хочется чего-то.

– Ну, тогда я..., если ты не возражаешь.

– Давай! Только по-шустрому. Нам еще бак заправлять.

– Пять секунд! – с готовностью отозвался Профессор и вновь скрылся в вагончике.

Далее события развивались следующим образом. Прихватив с собой ведро с водой, мы подошли к импровизированному душу. Дмитрий метнулся за туалет и вернулся с лестницей, сколоченной из двух брусьев и довольно крепких обрезков досок. Приладив лестницу к основанию бензобака, он как обезьяна вместе с ведром ловко вскарабкался наверх и залил воду в горловину.

Затем мы вернулись к бидону. История со шлангом повторилась. Только на этот раз вместо пластмассовых бутылей служило ведро. То самое, слегка приплюснутое, с носиком. Теперь его предназначение прояснилось. Так было удобнее заливать воду в горловину бензобака.

Когда емкость была наполнена и ее содержимое отправлено по назначению, нам пришла в голову мысль разделиться. Профессор остался на лестнице, а я стал наливать, подносить и подавать ему ведро. Дело заметно ускорилося. Не прошло и получаса, как бидон опустел, а бензобак был залит под завязку.

– Перекур! – вновь потребовал Профессор.

– Перекур, так перекур, – согласился я, довольный результатами нашего труда.

Мы зашли в вагончик и немного перекусили тем, что оставили для нас наши заботливые товарищи. И пока Дмитрий, размахивая ломтем зачерствевшего черного хлеба, сетовал на превратности своей нелегкой судьбы, я открыл окна, чтобы хотя бы немного проветрить насквозь прокуренное помещение. Спертым воздухом дышать было просто невозможно.

«И как они не понимают, что, вдыхая ядовитый дым от сигарет, не только губят себя, но и накачивают энергией темные силы космоса, – подумал я. – Однако говорить с ними на столь мудреные для их понимания темы не только бессмысленно, но и глупо. Они ведь не готовы, поскольку не знают многих, казалось бы, элементарных вещей...»

Немного передохнув, мы отправились на поиски своих товарищей и скоро обнаружили их, восседающими возле какого-то странного сооружения, на котором горой возвышалась куча лома цветного металла. Потапыч вновь проявил свое мастерство в обращении с железками. На сей раз его «технический гений» проявился в том, что он починил старую тележку и соорудил из нее некое подобие повозки. Теперь не надо было таскать на себе найденный металлолом, в результате чего производительность нашего труда заметно повысилась.

– Миша! Я должен тебе передать весточку от Маруськи, – улыбнулся Профессор и коротко изложил суть ее просьбы.

– Добро, – выслушав Дмитрия, произнес Потапыч. – Вечером обсудим. А сейчас надо навалиться. И так столько времени потеряли...

Мы разбрелись по ближайшим кучам мусора. Дело спорилось, и к назначенному сроку нам удалось не только собрать вчерашний объем лома, но и сделать задел на следующий день, спрятав его под обломками старых гнилых досок. Приехавший за металлом лысый крепыш сдержал слово и к вящему удовольствию моих приятелей расплатился, как и обещал, пятью бутылками водки, добавив к вчерашнему рациону еще пару банок кильки в томате.

Вернувшись в «берлогу», мы сразу же сели ужинать. Все настолько устали, что не были расположены к долгим разговорам. Естественно мои приятели не смогли отказать себе в удовольствии пропустить пару стаканчиков. Но ко мне не приставали, что меня несказанно обрадовало.

– Все, шабаш! Хорош трапезничать! Пора и на боковую. Завтра – тяжелый день, – с хрустом потягиваясь, заключил Потапыч. – Значит так. Базилио! Ты с Доктором и Профессором займешься сбором лома. С заказчиком разберешься сам. Осложнений, думаю, не будет. Если кто из местных ханыг сунется, скажи, что в случае чего будут иметь дело со мной. Они меня знают... Я такие вещи не прощаю. А мы с Васькой отправимся к Маруське. Посмотрим, чего она хочет. Как только освободимся – сразу к вам подключимся. Но вы на это не больно-то рассчитывайте. Работайте с полной отдачей. Еще неизвестно, как там дела сложатся...

После утреннего моциона все отправились по своим рабочим местам. Обычно разговорчивый Михаил, о чем-то задумавшись, быстро шагал, избрав наиболее короткий путь, прямо по небольшим кучам отбросов. Я не стал отрывать его от размышлений и, стараясь не отставать, постарался мысленно систематизировать имевшуюся у меня ранее и собранную за эти дни информацию, а также придумать хоть какую-нибудь мало-мальски подходящую легенду своего здесь появления. Мало ли что. При этом мне постоянно приходилось отвлекаться на дорогу. Не хватало еще ногу поранить. А такая вероятность присутствовала, поскольку на пути то и дело попадались обрезки досок с торчащими из них гвоздями.

Маруська уже ждала нас. Она жила на противоположном от полигона краю села. Сюда не доходил распространявшийся от свалки запах гнили, если, конечно, ветер не дул в эту сторону. Но роза ветров была такова, что случалось такое, как потом выяснилось, крайне редко. К тому же другим запахам препятствовал разливавшийся по ее участку аромат от душистых садовых цветов, в изобилии красовавшихся на многочисленных клумбах.

Очень красиво смотрелись кустики роз, рядом посаженные вдоль центральной дорожки, выложенной ажурной тротуарной плиткой. Дорожка упиралась в открытую внушительных размеров террасу, пристроенную к двухэтажному кирпичному дому с весело поблескивающей на солнце крышей.

Терраса была выполнена в необычной ассиметричной форме, что придало ей особый шарм. Добротные половые доски были заботливо покрашены, а к отшлифованным бревнам, служившим основанием для навеса и перил, были приделаны небольшие закругленные полочки, на которых стояли горшки с вьющимися растениями. Все это смотрелось очень красиво.

Справа при входе на террасу располагался овальный стол, столешница которого была выполнена из темного дерева. Вдоль стола стояли круглые деревянные стулья с высокими спинками. А в центре его возвышался незнакомый мне цилиндрический медный предмет с краником и трубой, из которой поднималась тонкая струйка дыма. Изящные чашки на блюдах и большая тарелка с наложенными на ней горкой бутербродами органично вписывались в эту картину.

– Петровна! Ты и самовар приготовила! – одобрительно воскликнул Потапыч.

– А как же иначе? Хорошее дело всегда утром с перекуса и чая начинается, – в тон ему ответила Маруська. – Ты же у меня не в первый раз. Пора бы и понять, что я русский человек. А у русских, как известно, душа широкая. К тому же мне твой напарник не знаком. Вот и познакомимся, а заодно посмотрим, как он кушать будет. Не зря наши деды перед тем, как работников нанимать, обязательно за стол их сажали и наблюдали, кто как ест. Кто хорошо ест – тот хорошо и работает...

Разразившись такой тирадой, Петровна указала нам на наши места и уселась сама, приглашая отведать бутерброды. Затем она поднесла мою чашку к носику самовара и повернула краник. Из носика потекла горячая зеленоватого оттенка жидкость, которая на свету сначала стала краснеть, а потом побурела, по внешнему виду напоминая обычный черный чай.

– Сахар по вкусу, – заявила хозяйка и, заметив мой удивленный взгляд, добавила: – Ты что, никогда чай из зверобоя не пробовал?

– Как-то не приходилось, – признался я.

– С Луны что ли свалился? – удивилась Маруська.

– Да нет, я всю жизнь в городе прожил.

– Ох уж мне эти городские... Ничего природного не знают. Привыкли у себя там в своих супермаркетах ко всякой иностранщине, а о исконно русских напитках и понятия не имеют. Я туда еще мяты добавила. Между прочим, хорошо от похмелья помогает. Выпьешь несколько чашек такого чая, и все как рукой снимет.

– Василий у нас трезвенник. И не курит, между прочим, – вмешался в разговор Потапыч.

– Да ну? – удивилась Марья Петровна.

– Точно говорю, – отрезал Михаил.

– И как же ты, такой правильный, сюда попал? – Маруську буквально распирало от любопытства.

– Моя история проста, – принялся я излагать свою легенду, придуманную по дороге: – Семьи у меня нет. Некогда было. Занимался бизнесом у нас в городе, что в соседней области. Так, по мелочам. Имел несколько продуктовых палаток. Мне за товар надо было срочно рассчитаться. Пока в банке кредит оформишь, пока проверят, пока решение вынесут. А мне срочно надо было. Вот и взял в долг у наших «братков». Да не в рублях. В валюте. А тут курс возьми да подскочи. Короче, попал я... Мне счетчик включили. Долг стал расти в геометрической прогрессии. Дело кончилось тем, что меня заставили переписать все мое имущество на их человека, жестоко избили, привезли и бросили здесь, на свалке. К тому же еще пригрозили, что если меня в городе увидят, то по-другому разберутся... В правоохранительные органы обращаться не собираюсь, поскольку доказательств у меня нет, да и жизнь дороже.

– Да, бывает..., – посочувствовала мне хозяйка, удовлетворив свое любопытство.

После этого она перевела разговор на дело, ради которого, собственно, нас и пригласила. Для начала Петровна осторожно уточнила, можно ли на ее участке создать каскад небольших фонтанов, разнесенных по высоте так, чтобы вода в них перетекала из одного в другой?

– С технической точки зрения дело плевое, – внимательно выслушав заказчицу, заявил Потапыч. А потом, немного подумав, добавил: – При условии, что будут необходимые инструменты и материалы.

– Все будет. Ты мне только список напиши, – с готовностью выпалила Маруська.

– Хорошо. Тогда пойдем. На местности все посмотрим. Васька! Подымайся! Ты не чай пить сюда пришел!

Я вздохнул и послушно последовал за Михаилом, в который раз отмечая про себя, что он бывает порой просто несносным в своей простоте. Хозяйка шла впереди, указывая дорогу.

– Джек! На место! – прикрикнула она на вылезшего из собачьей будки, сверкавшей своей новизной, щенка. – Люблю собак. Особенно немецких овчарок. Вот завела по случаю. А что? И мне радость, и дом охранять будет.

В ответ Джек приветливо завилял хвостом, глядя на нас умными глазами.

Слева от дорожки прямо на земле стоял небольшой столик и несколько плетеных табуреток. Рядом расположилась интересная конструкция, состоявшая из металлического короба на ножках и навеса над ним.

– Петровна! – бодро воскликнул Потапыч, указывая на сооружение. – Какой у тебя шикарный мангал! Когда шашлычком угостишь?

– Выполнишь работу, тогда и угощу, – на ходу парировала Маруська.

Пройдя еще несколько шагов, она остановилась и хозяйственным глазом окинула свою вотчину.

– Думаю, что где-то здесь. Чтобы и с террасы, и с отдыхающей зоны, и с улицы просматривалось.

– А как же цветы? Неужели не жалко? – спросил Михаил.

– Прежде чем к работам на земле приступать, мы эти цветы обязательно перенесем. Я уже и место определила.

– Понятно. А сколько фонтанов предполагается? Три? Василий запоминай! Уровень придется поднимать. Думаю, потребуется не меньше двух, а то и трех машин песка и гравия. Раствор мы сами замесим. Для начала мешков пять цемента надо будет. Для водоемов лучше использовать пластмассовые короба. Они разных размеров и цветов продаются. А воду откуда подавать будем? – уточнил Потапыч.

– Как откуда? Из колодца, конечно, – с этими словами Петровна указала на бревенчатый сруб рядом с теплицей и небольшим деревянным домиком, имевшим форму вагончика.

Я с любопытством подошел к колодцу, открыл дверцу на верхней части сруба, выполненной в форме домика и служившей, по всей вероятности, защитой от пыли и снега, и заглянул вовнутрь. На довольно значительной глубине поблескивало зеркало воды, в котором терялась нижняя часть бревен, облицовывавших колодезную яму.

– А чем выложено дно колодца? – поинтересовался я.

– Почем мне знать? – пожала плечами Маруся.

– Надо бы шунгитом, – мне представилась отличная возможность немного поучить эту самодовольную и якобы всезнающую женщину.

Немного помолчав, подогревая тем самым любопытство Петровны и играя на ее явном интересе к старине и ко всему, что может вернуть человеку здоровье, я начал:

– Шунгит, – это древнее средство, использовавшееся для очистки и улучшения качества питьевой воды.

Заметив вспыхнувший в глазах хозяйки огонек заинтересованности, я прочитал целую лекцию об этом удивительном минерале, коротко изложив все, что было мне известно и не противоречило взглядам местных ученых.

Шунгит, возраст которого исчисляется миллиардами лет, был принесен на Землю в обломках метеорита с погибшей планеты Фаэтон, на которой существовала кислородная форма жизни. Его химический состав уникален. Есть все основания полагать, что именно в воде, насыщенной шунгитом, в неизмеримо древние времена возникла жизнь на Земле – ведь некоторые его компоненты близки по свойствам к ферментам, присутствующим во всех живых клетках, и даже к гемоглобину.

Это – универсальный сорбент, который уничтожает до 95 процентов загрязнителей: обеззараживает воду, убивает кишечные палочки и холерный вибрион, удаляет коллоидное железо, появляющееся в результате прохождения воды через старые водопроводные трубы, а также нитраты, пестициды, диоксиды, фенолы, нефтепродукты и радионуклиды, осаждает соли тяжелых металлов, хлорорганические соединения и аммиак.

Одновременно камень насыщает воду полезными для организма человека микро- и макроэлементами, улучшает ее вкусовые качества. Свойства шунгитовой воды самые разнообразные: она лечит простудные заболевания (грипп, бронхит), выводит камни из желчного пузыря и почек, помогает при сахарном диабете, артрите, восстанавливает организм при синдроме хронической усталости, повышает иммунитет, препятствует развитию атеросклероза и даже снимает похмелье.

Шунгитовая вода излечивает кожные воспаления, экземы, псориаз, способствует заживлению ран и порезов, убирает перхоть с кожи головы и делает волосы более густыми. Она также препятствует облысению и дает мощную энергетическую «подзарядку» уставшему организму.

– Как интересно... – задумчиво проговорила Петровна. – Но, ведь это же дорого.

– Ничего подобного, – вмешался Потапыч. – Некоторые люди настаивают для себя живительную воду в домашних условиях, покупая фасованный гравий из шунгита в специализированных магазинах. Но тебе нужны крупные куски. В свое время мне приходилось чистить и ремонтировать колодцы, и я точно знаю, что камень, о котором рассказал Василий, добывается

у нас, в Карелии. Это единственное в мире месторождение. Закажешь – привезут. На такой колодец всего мешка три – четыре надо. И будет у тебя целебная водица...

– Надо подумать, – промолвила Маруська. – Мысль действительно интересная. А то ведь неизвестно, что пить приходится. Рядом-то свалка. Однако мы отвлеклись от главного.

– И то верно, – поддакнул Михаил и принялся шагами измерять масштабы будущих работ.

Время от времени он останавливался и что-то прикидывал в уме, забавно причмокивая губами. Так прошло около получаса. Затем мы вернулись на террасу.

– Петровна! – скомандовал Потапыч. – Давай бумагу и карандаш. Будем помечать, что нам надо. А то забудем чего-нибудь, а я не люблю, когда в самом разгаре работ материал заканчивается. Простой расхлаживают и, кроме вреда, ничего не приносят.

Маруська послушно принялась записывать. Когда перечень стройматериалов и оборудования был составлен, мы доели бутерброды и стали собираться восвояси.

– Завтра начнем. Во сколько приходиться? – спросил Михаил.

– Да так же, с утра, – откликнулась хозяйка.

– Добро. А как на счет аванса?

Петровна тяжело вздохнула и скрылась в доме. Через пару минут она вернулась, неся в руках трехлитровую банку самогонки и сумку с продуктами.

– Вот. – Маруська протянула нам столь возделенный для моих новых товарищей груз. – Банку верните.

– Конечно, нам она зачем. А заодно и из-под огурцов емкость захватим. Знатные у тебя огурцы. Закусь что надо, – мечтательно проговорил Потапыч. – Да, чуть не забыл. Инструмент приготовить!

Распрощавшись с Петровной, мы двинулись домой. Если, конечно, свалку можно назвать домом. Вернувшись в «берлогу», Михаил первым делом налил себе стакан самогонки. Предложил и мне, но я под благовидным предлогом отказался. И все пошло своим чередом. Остаток дня был посвящен сбору лома, вечером – ужин с неизменными возлияниями. Потянулись довольно однообразные дни. Мы с Потапычем – у Петровны, остальные – на сборе цветных металлов. Так незаметно наступила суббота.

В выходные дни работы у Марьи Петровны не проводились. В субботу и воскресенье она уезжала в город торговать на рынке. А без нее находиться на участке она не разрешала. Маруська все держала под своим контролем. Разборка мусорных куч в поисках цветмета тоже не осуществлялась, и мы занимались своими делами.

В первую же субботу Потапыч объявил генеральную уборку. Три часа подряд Доктор с Базилио чистили наши «авгиевы конюшни», а я с Профессором отвозил на тележке собранные ими пустые бутылки, банки и прочий мусор до ближайшей кучи. Мы даже полы в вагончике помыли. В результате воздух в помещении заметно посвежел.

Затем решили помыться, а также постираться, и я отметил про себя, что даже у таких опустившихся индивидов время от времени просыпались нормальные человеческие качества. Возможно, не все еще было ими потеряно...

В воскресенье после завтрака, несмотря на то, что все, за исключением меня, были уже достаточно хороши – Маруськин самогон делал свое черное дело – мы решили прогуляться в близлежащий лес. Захотелось проверить, появилась ли черника. По уверениям Потапыча, если эти ягоды заварить кипятком, добавить в них мяту, то получится очень вкусный и полезный чай. Я не был в этом уверен. Дело в том, что температура свыше сорока градусов по Цельсию убивает все живительные и полезные для организма вещества. К такому выводу, по крайней мере, пришли многие наши ученые.

Прихватив с собой стеклянные банки для ягод и пару бутылок самогона, заботливо перелитого из трехлитровой банки Маруськи, мы направились в лес. До него от свалки было

километров пять. Едва приметная тропка петляла по полю, поросшему выцветшей травой и изредка встречавшимися молодыми деревцами. Солнце стояло высоко. Было удивительно тихо. Тишину нарушали только деловито снующие стрекозы, производя своими прозрачными крыльями характерный шум, да кузнечики, устроившие настоящий концерт. Издаваемые ими звуки гармонично дополняли друг друга. Эту чарующую музыку не нарушало даже раздававшееся время от времени карканье ворон, доносившееся со свалки.

Тропинка уперлась в дорогу, покрытую бетонными плитами. На мой вопрос, куда она ведет, Михаил пояснил, что бетонка проложена к карьере, и по ней ходят грузовики с песком, который намывает земснаряд.

– Сейчас сам увидишь, – заявил он. – Нам все равно мимо карьера надо.

Минут десять мы шагали по дороге, за одним из поворотов которой, перед нами открылась гладь довольно внушительного водоема. На одном из его берегов возвышались огороженные забором песчаные холмы, намытые земснарядом. Именно туда и вела бетонка.

Подул ветерок, принеся облегчение от жары. Легкий бриз образовал на зеркальной глади водоема небольшую рябь, преломляясь в которой лучи солнца создали иллюзию, будто какой-то сказочный гигант рассыпал по поверхности воды алмазы, переливающиеся на свету.

Свернув с бетонки, мы зашагали вдоль карьера. До леса – цели нашего путешествия – оставалось рукой подать. И тут у меня возникло непреодолимое желание искупаться, остудить свое изможденное жарой тело в водах этого манящей своей прохладой рукотворного чуда.

– Перекур! – скомандовал Потапыч, выслушав мое предложение.

Я быстро скинул с себя одежду и с разгону бросился в воду. Она показалась мне довольно холодной. Но это было лишь первое, обмачиваемое ощущение. Через пару секунд чувство комфорта ко мне вернулось. Несколько раз нырнув, я, с удовольствием отфыркиваясь, с удивлением обнаружил, что моему примеру последовал только Базилио. Остальные, усевшись рядом с Михаилом прямо на песок, достали сигареты и, прикурив, стали пускать из себя клубы табачного дыма.

Сделав несколько гребков и вернувшись к берегу, мы с Базилио порезвились немного, обдавая друг друга брызгами, и вышли из воды. Не хотелось испытывать терпение товарищей.

Лес встретил нас прохладой, запахом хвои и щебетанием птиц. Невольно возникало впечатление, что мы попали в какую-то волшебную страну. От переизбытка кислорода у меня закружилась голова. Мне даже стало казаться, что из чащи вот-вот появится какая-нибудь диковинная зверюга.

– Давайте немного отойдем от опушки, а затем развернемся в цепь, – решительно заявил Потапыч. – Сразу договоримся. Друг друга из виду не терять. На зов сразу откликаться. Знаю я вас. Заблудитесь – потом искать замучаетесь. На обратном пути мяты нарвем. Я место хорошее знаю. Здесь недалеко болотце есть. Вот там, где солнца хватает, она и растет, поскольку сырые места любит.

Мы стали углубляться в лес. Неожиданно я наткнулся на что-то интересное. Рядом со стволом высоченной сосны, раздвинув иголки, прямо из земли росло нечто яркое на толстой ножке, увенчанной красной шляпкой с белыми пупырышками.

– Ты что? Мухоморов не видел? – заметив мою реакцию, удивился шедший справа от меня Профессор. – Сейчас грибы редко попадают. Не время еще. Но мухоморы никто не собирает. Ядовитые. Вот и растут себе...

Дмитрий помолчал немного, а потом, решив блеснуть эрудицией, многозначительно произнес:

– Вообще, если их хорошенько обработать, то и есть можно. Химический состав этих грибов до сих пор до конца не известен, хотя над его изучением трудились ученые из таких стран, как Швейцария, Япония и Англия.

В Профессоре явно проснулся дремавший в нем химик. Затем, немного помолчав, он продолжил:

– Некоторые животные, лоси, например, ими даже лечатся. А шаманы, я слышал, используют для вхождения в транс и изменения сознания специальные настойки из мухоморов. Но лучше не рисковать.

С этими словами Дмитрий нагнулся и стал собирать в банку синевато-чёрные ягоды, живописно смотревшиеся на фоне зеленых листочков, покрывавших невысокие кустики. Я последовал его примеру и тоже стал срывать сочные плоды с легким восковым налётом.

Занятие, прямо скажу, не вызвало у меня особого восторга. Через некоторое время тело затекло, и мне стало ясно, что пора передохнуть. Выбрав подходящий пенек, я уселся на нем, с наслаждением выпрямив спину и вытянув ноги.

Меня окружала дикая природа. Лес был смешанным, но все же преобладали сосны. Сквозь их кроны пробивались редкие лучи солнца, рассеивавшие царивший здесь полумрак. Кругом лежали прошлогодние сосновые иголки, образуя причудливый серый ковер. Мое внимание привлекла к себе расположенная неподалеку внушительных размеров куча, сложенная из этих самых иголок.

Приглядевшись, я увидел множество черного цвета насекомых, по внешнему виду напоминающих ос, но значительно меньше размером и без крыльев, деловито сновавших по этой куче. Каждая из этих особей решала свою задачу. Но в целом складывалось впечатление, что они подчинены какому-то единому невидимому руководящему центру.

Наблюдение за насекомыми, которые как выяснилось позднее, назывались «муравьями», внезапно вызвало у меня приступ ностальгии. Я оказался охваченным воспоминаниями о своем родном доме, затерявшемся в необъятных глубинах космоса.

У нас тоже встречаются подобные насекомые. Только большего размера и без перетяжки, отделяющей грудь от брюшка. И живут они не в кучах, как здесь, а в своеобразных домиках, возводимых ими из земли и перетертой мощными челюстями древесины, склеенной слюной.

Ученые на моей планете давно научились управлять климатом, поддерживая комфортные условия жизни, не нарушая при этом основных законов природы. У нас не встретишь, например, свалок мусора, подобной той, на которой я вынужденно оказался. Все отходы жизнедеятельности тщательно перерабатываются на специальных заводах, на которых исключены вредные выбросы в атмосферу. Мы много веков тому назад осознали, что родная планета – наш общий дом, нуждающийся в заботе и поддержании равновесия. Причем во всем! Ведь равновесие – основа мироздания. Если есть плюс, обязательно должен быть и минус. Даже добра не бывает без зла. Иначе как определить, что является добром?

Мне стало грустно. Увижу ли когда-нибудь родные бескрайние леса? Восход нашего голубого светила? Манящие с детства звезды, выступающие на ночном небосклоне? Неужели мне придется провести остаток жизни на свалке в окружении пусть и очень добрых в душе, но опустившихся почти до звериного состояния людей?

«Нет, конечно, – ответил я на свой вопрос. – Что-нибудь обязательно придумаю. Но пока вживаться и еще раз вживаться. Набираться опыта, собирать необходимую информацию...»

– Передохнул? – вернул меня к действительности голос Профессора. – Потопали дальше, а то наши уже далеко ушли.

Я глубоко вздохнул и обреченно последовал за Дмитрием.

– А-у-у-у-у-у! – внезапно остановившись, крикнул тот.

Мы стали прислушиваться, но до нас донеслось лишь слабое эхо.

– Давай вместе!

– А-у-у-у-у-у! – что есть силы закричали мы.

– А-у-у-у-у-у! – издали послышался голос Потапыча.

Ускорив шаг и время от времени перекрикиваясь с Михаилом, нам удалось нагнать основную группу.

– Чего отстали? – укоризненно промолвил Доктор. – Смотрите, на какое шикарное место мы набрели.

– Хватит болтать! Делом лучше займитесь! – как всегда не удержался Потапыч.

Передо мной лежала большая поляна, сплошь усеянная небольшими кустиками черники, возвышавшимися над зеленой травкой. Я не стал бороться с растущим у меня желанием попробовать эти душистые ягоды. И, собрав целую горсть, отправил их в рот.

Они оказались очень сочными и вкусными. Легкая кислинка лишь добавляла пикантности. Так бы ел и ел...

Я не один лакомился этими дарами природы. Достаточно было взглянуть на физиономии моих товарищей, чтобы тайное стало явным. Судя по всему, больше всех преуспевал Доктор. Его губы, язык, весь рот стали черными. Не зря, значит, ягоды называли черникой. Это их сок совершил с нами такую метаморфозу.

Так, не столько собирая, сколько поедая урожай, мы очистили полянку и двинулись дальше вглубь леса, время от времени похохатывая над черными ртами друг друга. Через некоторое время деревья поредели, высоченные сосны сменили чахлые березки, трава стала намного сочнее, а в воздухе появился едва различимый сладковатый запах.

Внезапно перед нами открылась гладь водоема, кое-где покрытая плавающими на поверхности красивыми широкими листьями со снежно-белыми цветками. Мне захотелось подойти поближе, чтобы лучше разглядеть это чудо. Но внезапно земля подо мной заколыхалась. Мною овладело какое-то странное чувство необъяснимой тревоги.

– Стой! Ты куда? – раздался зычный голос Потапыча. – Жить надоело? Там же болото! Провалишься в трясины – и поминай, как звали!

Я попятился назад и с облегчением ощутил под собой твердую почву.

– Перекур десять минут! – продолжал отдавать распоряжения Михаил. – Мы пришли к конечной точке. Немного передохнем и займемся сбором мяты. Васька! Ты свои дурные мысли о кувшинках брось! К этим цветам здесь не подобраться. Топко очень. Если крадю какую-нибудь подцепишь, мы лучше у Маруськи розы попросим.

Я лег навзничь в густую, мягкую траву и стал наблюдать за полетом стрекоз, в большом количестве носившихся в воздухе. И все было бы просто замечательно, если бы внезапно не почувствовал боль от укуса здоровенной серой мухи.

– Ну, вот и слепни пожаловали. Лично мне на них наплевать, я насквозь проспиртован, поэтому они меня не трогают, – прокомментировал Потапыч, обмахиваясь сломанной березовой веткой. – Но, береженого Бог бережет! Закуривай, ребята! Будем дымом их отгонять.

Однако дым не помог. Слепней становилось все больше и больше.

– Хорошо еще, что змей нет. Хотя место для гадюк самое подходящее, – подытожил Михаил. – Ладно. Пора мяту собирать. А потом обмоем нашу добычу. Зря что ли горючее с собой прихватили!

Все нехотя встали и гурьбой последовали за Потапычем. Немного обогнув болото, мы оказались на довольно ровной площадке, поросшей невысокой травкой. Почва здесь была песчаной с вкраплением пластов какой-то черной породы.

– Это торф, – пояснил всезнающий предводитель нашей группы. – Вот здесь на песчанике мята и растет. Идеальные условия. Облепихи только не хватает. А так вот она, голубушка.

Потапыч нагнулся и сорвал растение с зелеными яйцевидными продолговатыми зазубренными листочками. Я с любопытством последовал его примеру и почувствовал характерный приятный бодрящий запах.

Мы не стали рвать все подряд, стараясь отбирать наиболее мощные стебли. Вскоре у каждого было по внушительному пучку. Аромат, исходящий от растений, был просто непередаваем.

– Однако пора и честь знать. Этого достаточно. Еще и Маруську угостим. Она мяту обожает, – Потапыч погладил бороду, забавно причмокивая губами, огляделся и уверенным шагом двинулся в лес.

Сбор мяты на этом закончился, и мы направились в обратный путь. Пройдя несколько сот метров, Михаил, указывавший нам дорогу, вышел на живописную полянку. Вокруг возвышались вековые сосны, дававшие живительную прохладу. За деревьями угадывалась просека. Вся почва здесь была усеяна прошлогодними высохшими иголками, сквозь которые пробивались редкие кустики травки. Пахло хвоей, к аромату которой добавлялся сладковатый запах прели.

В центре полянки возвышалась небольшая куча бревен, приготовленных к транспортировке, на которых замерло несколько изумрудных ящериц. Идеальное место для отдыха. Можно было посидеть, а можно и полежать. Кому как нравится. Места для всех хватало.

Михаил как будто прочитал мои мысли. Подойдя к сваленным деревьям, и спугнув ящериц, с быстротой молнии юркнувших в расщелины между бревен, он стал доставать из своей сумки нашу нехитрую снедь. Сначала появилась бутылка, а за ней стакан. Потом, стряхнув иголки, Потапыч расстелил на здоровенном бревне газету, поставил на ней банки с консервами и положил краюху черного хлеба. Получился импровизированный походный столик.

– Налетай, ребята! – широким жестом пригласил нас Мишка. То ли сказывалось чарующее воздействие леса с его неповторимыми ароматами, то ли преломление света, но сейчас Потапыч, оправдывая свое прозвище, действительно своим внешним обликом чем-то напомнил медведя.

Никогда прежде мне не доводилось испытывать такого аппетита. Сказать, что на меня напал зверский голод, значит, ничего не сказать. Откусив солидный кусок хлеба от толстого ломтя, я стал быстро работать челюстями.

– Смотри не подавись! За тобой никто не гонится! – глядя на меня, захохотал Базилио, а вслед за ним зашлись смехом и все остальные. Смех ведь заразителен.

– Вот уморил-то! – воскликнул Михаил и, утирая выступившие слезы, уже серьезно произнес: – Давай! Подставляй свой ломоть!

Потапыч деловито вскрыл консервные банки складным ножом и, вытаскивая по одной, стал раскладывать кильки в томате на протянутые ему куски хлеба. Затем, наполнив до половины стакан водкой, протянул его Доктору. Тот залпом осушил емкость, весь сморщился, громко крякнул и, занюхав огненную жидкость хлебом, вернул опустошенный сосуд Михаилу.

Когда очередь дошла до меня, я не стал кочевряжиться, чтобы не выделяться своей исключительностью.

«С кем поведешься от того и наберешься», – в качестве оправдания моим действиям пронеслась в голове коварная мысль.

За первой дозой последовала вторая, затем третья. Отрава, быстро всасываясь, вызвала подобие эйфории. Настроение заметно улучшилось. И хотя я понимал, что такое состояние временное, и что за ним неминуемо последует расплата – по взятому у «тонких существей» энергетическому кредиту придется платить своей жизненной энергией, – это не помешало мне целиком отдаться нахлынувшим на меня ощущениям.

Между тем мои спутники, окутывая себя клубами ядовитого дыма, стали наперебой рассказывать разные истории. Базилио вспомнил про удивительную рыбалку, в которой ему как-то довелось участвовать.

– Представляете, – давась от смеха, поведал он: – Решили мы щуку половить. Взяли с собой спиннинги, блесна самые лучшие и отправились на речку. Раз закинули – ничего. Второй, третий раз – с тем же результатом. А рядом паренек одну за другой таскает. Нашему удив-

лению не было конца. Вот и решили разузнать, в чем секрет. Подошли к нему, блесна свои показываем. А он в ответ заявляет, что на подобную ерунду мы ничего не поймает.

Базилио на мгновение умолк, выпустил густой клуб вонючего дыма и продолжил:

– Обидно нам стало. Блесна-то дорогие. Самые лучшие выбирали. А он свое талдычит, дескать, при такой оснастке у нас ничего не выйдет. Вот и пришлось с ним договориться, что в обмен на блесна он свой секрет раскроет. Каково же было наше изумление, когда парнишка показал, на что он шук таскает. Блесну заменяла гильза от папирос. Ее, естественно, надолго не хватало, быстро размокала. Но пару забросов сделать позволяла. Как только мы заменили блесна на столь нехитрую оснастку, дело сразу же пошло на лад. Столько шук я никогда в жизни не ловил. Такие вот чудеса на свете случаются.

– Это что, – заметил Профессор. – А на голый крючок тебе не доводилось рыбу ловить? Мне доводилось. Как сейчас помню. Дело было на канале, соединявшем два водоема. Там лещей разводили. Местные ребята и наловчились. Где течение было не очень быстрым, бросали в воду кусочки белого хлеба, специально сваренную кашу, завернутую в марлю и подвешенную на ветке, чтобы сразу течением не унесло. Подкармливали рыбку, значит. Каша, растворяясь в воде, создавала мутное облако корма. Ешь – не хочу. Лещ подплывет, глупый, ну и давай все подряд заглатывать. Нам оставалось только удочки с голыми крючками забрасывать, да на берег рыбу вытаскивать. За каких-нибудь полчаса полные ведра налавливали. Вот это была рыбалка! Всем рыбалкам рыбалка!

– Так вы браконьерничали, – охладил пыл Дмитрия Потапыч. – Ты бы еще о «саперной удочке» поведал...

Заметив мой недоуменный взгляд, Михаил пояснил:

– «Саперная удочка» – это взрывпакет на палке. Фильм «Пес Барбос и необычный кросс» с участием Моргунова, Никулина и Вицина смотрел, небось? Взрыв динамита оглушает рыбу, и она всплывает. Кверху брюхом, как правило. Остается только собрать. Но это варварство. Я бы за такое не только по шее накостылял... Ну что? Передохнули? Пора собираться. Нам еще ягоду на просушку раскладывать. Высохнет – чай заваривать будем. Мяты добавим. За уши не оторвешь. А какой полезный...

Все встали и уже двинулись, было, в путь.

– А как же мусор? – робко спросил я. – За собой прибрать бы надо. Негоже после себя грязь оставлять и лес захламлять.

– Вот ты и приberi. Инициатива наказуема. А мы потихоньку пойдем. Догонишь, – ответил за всех Базилио.

– Будь по-вашему, – удрученно вздохнул я.

Потапыч, Базилио, Доктор и Профессор побрели прочь, а мне пришлось наводить за всеми порядок.

«Что за люди! – собирая мусор в пакет, валявшийся неподалеку, принялся размышлять я. – Такие разные, на первый взгляд. Но в то же время очень похожи. Их так и тянет затуманивать свой разум разной отравой, сквернословить, сорить и разбрасывать после себя мусор. Выработавшиеся привычки за время жизни на свалке? И, похоже, им такое существование по душе. Но как это может нравиться? Не понятно. Вроде мужики с головой, с нормальными руками, растущими, откуда надо. Могут, если захотят, из ничего что-то полезное соорудить. Много знают, немало повидали на своем веку. Казалось бы, что мешает вернуться к цивилизованной жизни? Вроде бы ничего не мешает. Но нет. У них и мыслей таких не возникает. В чем причина?»

Так и не найдя ответ на свой вопрос, я твердо решил вырваться из замкнутого круга, в который меня занесло в силу сложившихся обстоятельств. Тем не менее, обозначившаяся задача по разгадке причин такого странного поведения этих людей, не давала покоя. Во мне проснулся азарт исследователя.

«Ничего! Разберусь! – дал я себе слово. – А пока буду продолжать присматриваться, набираться опыта и искать возможности. Решение совсем рядом. Главное – не проглядеть «двери» в новую жизнь, которые обязательно откроются...»

От таких мыслей у меня стало легче на душе. Окружающий мир вдруг приобрел радужные краски. Все подсказывало, что передо мной вот-вот появятся новые возможности. Сейчас надо было просто «отпустить» ситуацию и сосредоточиться на сигналах, которые подают невидимые глазу силы добра, заботящиеся обо мне ...

Убедившись, что следы нашей пирушки убраны, а природа восстановлена, я направился вслед за своими товарищами и, ускорив шаг, вскоре нагнал их. Дорогу назад мы проделали молча. Возвращение на свалку после чарующей красоты лесного массива и пьянящего своей чистотой аромата хвои было явно не в радость не только мне, но и моим спутникам.

Прибыв в наше пристанище, Потапыч развил бурную деятельность. Для начала он принес откуда-то большой лист фанеры и, положив его на пеньки у входа, застелил газетами. Затем вытряхнул на это сооружение ягоды, которые мы принесли из леса. Тщательно перемешав и равномерно распределив их по поверхности, Михаил застыл в позе победителя.

– Ну, вот и готово... – многозначительно произнес он, явно любуясь результатами своего труда. – Теперь только шевелить время от времени, чтобы равномерно сохли, да от дождя укрывать. Ох, и вкусный чай тогда будет!

Остаток дня прошел в безделье и пустых разговорах, так или иначе сводившихся к воспоминаниям об употреблении горячительных напитков. К вечеру все запасы спиртного, за исключением заначки на утро, были уничтожены. Определив, кто чем будет заниматься на следующий день, ватага завалилась спать. Каждый на своей куче тряпья. Не раздеваясь.

Мои приятели уснули почти сразу. И каждый старался перехрапеть остальных. Поневоле вслушиваясь в этот концерт, я ворочался с боку на бок. Сон никак не шел ко мне. Так и пришлось встать и выйти из вагончика на «свежий», если так можно назвать пропитанный запахом гнили, воздух.

Вечерело. На небе, одна за другой, стали проступать звезды, постепенно разгораясь все ярче и ярче. Как же мне захотелось вновь ощутить бескрайние просторы космоса, опять оказаться за штурвалом звездолета. Грустные мысли нахлынули на меня. Но я отогнал их. Не хватало еще, чтобы негатив овладел мной. У нас даже младенцу было известно, что мысли материальны. Чего опасаться, о чем думаешь – то и получишь. Главное, несмотря ни на что, думать в позитивном ключе и четко представлять, к чему стремишься. Вот только к чему стремиться, мне было пока не понятно. Провести остаток жизни в компании людей, для которых единственной целью являлось употребление спиртных напитков? Нет. Явно не для этого судьба привела меня в этот мир. Случайностей ведь не бывает. Значит надо понять для чего. Определиться с целью. И не беда, что цель эта пока не ясна. Просто надо поставить перед собой задачу отыскать ее.

Закончив размышления, начатые еще в лесу на полянке, я вернулся в вагончик и, устроившись поудобнее, расположился на ночлег. Ночью мне, как в детстве, снились голубые реки, оранжевые облака и ласковые зверушки, бравшие корм прямо из рук...

Утром меня разбудил зычный голос Потапыча, уже принявшего «лекарство». Мы нехотя поднялись, и все пошло своим чередом. Всю неделю мы с Михаилом трудились на приусадебном участке Маруськи. Работа продвигалась медленно, и когда в пятницу хозяйка попросила одного из нас помочь ей в выходные дни на рынке, я с радостью согласился. Перспектива провести субботу и воскресенье в обществе любителей выпить меня совсем не прельщала. Мой же напарник только хитро улыбнулся.

– За дополнительную работу тоже вознаграждение полагается, – заметил он. – Так что бутылку и закуску не забудь!

– Кто про что, а вшивый все про баню... Горбатого только могила исправит, – буркнула Петровна. – Ладно. Будет вам и бутылка, и закуска.

На том и порешили. Я никак не мог дождаться завтрашнего дня. Интуиция подсказывала мне, что грядут перемены...

Проба сил.

В субботу утром, как и договаривались, ровно в назначенное время я был у Маруськи. Та оглядела меня критическим взглядом и крикнула:

– Петруха! Там в шкафу твой черный в полоску костюм висит. Все равно ты его не носишь, да и мал он тебе. А ему в самый раз будет. Надо переодеть Василия. Не то мои товарки еще сплетни начнут распускать...

Мужа Марьи Петровны – Петра Савельича – я видел и раньше, но мельком. Он приходил домой уже тогда, когда мы заканчивали дневной объем работ и собирались восвояси. Сейчас же представилась возможность познакомиться с ним поближе. Мужиком он был безотказным, словоохотливым и добрым, выполнявшим при Маруське роль персонального водителя, а также разнорабочего.

Ему очень шли коротко подстриженные русые волосы, и небольшие залысины не только не портили его, а, наоборот, придавали какой-то особый колорит. Савельич любил удобную одежду, не требующую ухода, отдавая предпочтение джинсам, свободным свитерам и кроссовкам. И вообще был очень непринхотлив в этом вопросе.

Не успели мы с ним узнать друг друга поближе, как он принялся без умолку говорить о себе. В этом словесном урагане Петр останавливался только для того, чтобы вдохнуть воздуха и перескочить с одной темы на другую. Нельзя сказать, что речь его была не связанной, просто мысли у него неслись с такой скоростью, что угнаться за ними становилось довольно проблематично.

Петра отличала одна слабость – он обожал промочить горло бутылочкой – другой пива. Крепкие напитки Савельич не признавал. Видимо сказывалась его профессия.

– С похмелья баранку не больно покрутишь. Ладно, если в столб угодишь, а то еще хуже... На дороге мелочей не бывает, – любил приговаривать он.

В рабочие дни Петр подрабатывал извозом. А по вечерам любил погулять с собакой, предварительно припрятав в кустах у дороги бутылку своего любимого напитка. Маруська дома без особого повода выпивать ему не позволяла.

Меня удивляло, как могут ужиться вместе столь разные люди. Петр Савельич человеком был очень общительным и легко находил общий язык с любым незнакомцем. Марья Петровна же, наоборот, не жаловала бесполезных разговоров. А если уж и затевала беседу или накрывала на стол, то всегда преследовала строго определенную цель. Она вообще делила своих знакомых на две категории. В первую входили те, кто мог быть ей полезен. С ними она могла и поболтать, и по рюмочке пропустить. Со второй же категорией людей, которые не могли принести конкретную пользу, предпочитала не общаться. Ее отличала страсть к деньгам. Любой разговор она, так или иначе, сводила к тому, как, где и сколько заработать.

Из бесконечной болтовни Петра, этого простодушного увальня, мне стало ясно, что Петровна в молодости была необычайно красива. И он, увидев ее, буквально ослеп, влюбившись по уши. Когда они познакомились, Марусю только назначили заведующей магазином, в котором Петр работал водителем-экспедитором. Детей у них не было. Сначала хотели на ноги встать, а потом не получилось – что-то по женской части. На этой почве Маруська стала выпивать, но не много. Она ведь свое дело решила открыть. А алкоголь и бизнес – вещи, которые совмещать нельзя. Не успеешь и глазом моргнуть, как прогоришь.

Я лишь согласно кивал головой в ответ. Уж мне ли не знать истинную природу дурманящей приманки темных сил...

По дороге до рынка Маруська посетовала на то, что выручка от продаж упала. Сказался уход лоточницы, уволившейся по семейным обстоятельствам. А деньги терять Петровна уж как не хотела! Вот и придумала выход из сложившейся ситуации. Петр должен был взять на

себя функции продавца на лотке, а мне отводилась роль разнорабочего: подать, принести, за товаром присмотреть...

За разговорами время до места назначения пролетело незаметно. Рынок располагался на окраине близлежащего городка и представлял собой большую территорию, обнесенную забором из металлических кольев. На въезде красовалась цветная вывеска, на которой огромными буквами была выведена надпись: «Городской рынок».

Вся огромная площадь перед рынком, за исключением центральной дороги, была занята многочисленными торговцами, выкладывавшими свой нехитрый товар прямо на земле, предварительно подстелив картонки и клеенки.

– «Блошиный рынок», – заметив мой удивленный взгляд, услужливо пояснил словоохотливый Петр. – Здесь хоть самого черта найти можно.

Не знаю, что под этим имел в виду Савельич, но товары, предлагавшиеся здесь для продажи, весьма напоминали тот хлам, который в избытке валялся у нас на свалке. Только предметы были отмыты и почищены.

Внешний вид торговцев соответствовал обстановке. Я бы даже сказал, что Потапыч, Базилио, Доктор и Профессор были одеты куда лучше. У меня возникло такое ощущение, будто эти люди пришли сюда скоротать время, пообщаться с такими же бедолагами, как и они сами, и, если повезет, то и заработать немного денег на выпивку.

Мы заехали на охраняемую территорию и, поставив машину на служебной стоянке у административного здания, немного размяли затекшие конечности. По поведению охранников чувствовалось, что Маруся пользуется у них уважением.

– Пойду за места заплачу, – со вздохом произнесла Петровна, вынимая кошелек и явно не желая расставаться с деньгами.

Через пару минут она вышла, держа в руках какие-то бумажки.

– Квитанции на руках, пора и за дело приниматься, – обратилась к нам Маруся.

Они с Петром арендовали два контейнера, в которых хранили товар и нехитрое торговое оборудование. К этим контейнерам, расположенным в конце рынка, мы и направились. Первым делом Петровна удостоверилась, все ли на месте и только потом дала знак к выгрузке. Савельич взял в одну руку мешок со складной палаткой, а в другую – связанные воедино части от складного столика. Маруся прихватила объемистую сумку с какими-то тряпками и клеенкой. Мне же досталась тяжеленная коробка с товаром.

Сначала мы оборудовали лоток Петра, находившийся в конце торговых рядов у противоположного выхода из рынка. Савельич привычными движениями быстро установил палатку, собрал столик и принялся раскладывать товар, после чего я с Петровной направился дальше.

Точка, облюбованная Марьей Петровной, находилась прямо у входа на рынок. Используя свои связи, она строго следила за тем, чтобы никто не покушался на «прикормленный» ею уголок. Для привлечения внимания покупателей все было сделано абсолютно грамотно. Заинтересованный в приобретении нужной ему вещи человек неизбежно пройдет мимо и, если не на одном конце, так на другом, обязательно обратит свой взор на Маруськин товар.

Марья Петровна сразу же принялась обустроить свое место. Следуя ее указаниям, я расстелил на асфальте картонки, накрыл их кусками ткани и клеенки так, чтобы не мешать проходу. Сама хозяйка в это время расположилась в уголке, образованном кирпичной стеной и забором, прикрытым от постороннего взора листом оцинкованного железа. Достав припрятанные возле торца торгового павильона деревянные ящики, она расставила и накрыла их тканью так, что получился импровизированный столик с пуфиками.

Обозначив торговое место, я направился к Петру, у которого были ключи от контейнеров. Попросив соседку присмотреть за товаром Савельича и прихватив по пути брошенную кем-то тележку, мы принялись нагружать на нее картонные коробки. Первым делом груз был доставлен Марусяке, которая подсказывала, откуда и какие коробки доставать.

Память у нее, надо признать, была отменная. Она прекрасно знала, в каком контейнере и где в нем находятся интересующие ее вещи. Что касается товара, Марью Петровну отличало не только феноменальное знание его расположения, но и бережливость, а также аккуратность. Надо было видеть, как заботливо она упаковывала и укладывала в невзрачные на вид картонные коробки вещи для продажи! То, что могло разбиться или расколоться, завертывалось в смятые газеты. Маруся утверждала, что лучше материала для прокладки изделий из стекла, фарфора или фаянса не найти.

Довольно быстро постеленные на асфальте куски ткани и клеенки заполнились различными предметами. Чего здесь только не было! И изящная фаянсовая посуда, и серебряные столовые приборы, и фигурки из различного металла, а также изделия из фарфора. Последние меня просто потрясли. Особенно статуэтки – просто как живые!

– Нравится? – улыбнулась Петровна, заметив мой восхищенный взгляд. – Эти фигуры из Германии. Мейсен. Прошлый век. А это Франция. Настоящий антиквариат. Товар для людей, разбирающихся в нем. Дорогой, конечно. Ну а там – китайский новодел. Для тех, кто победнее.

– Да, вещицы знатные. Особенно вот эта, – ответил я, указав на фарфоровый экипаж немецкого производства с фигурками лошадей и людей. – Только я товар бы несколько по-другому расположил. Учитывая воздействие цвета. Ведь на решение покупателя по приобретению той или иной вещи более чем на восемьдесят процентов оказывает влияние именно ее цвет. В сочетании с окружающей цветовой гаммой, конечно.

– Гм, – хмыкнула Маруся. – Может быть ты и прав. Только тебе-то откуда это известно?

– Так я же торговлей занимался. Про это я тебе еще при нашей первой встрече говорил. Вот и интересовался... – пришлось парировать мне. Не рассказывать же ей истинное происхождение моих знаний. Ученые на нашей планете уже давно выявили прямую взаимосвязь цвета и психики людей. – Если разрешишь, я здесь немного поколдую...

Мне пришлось немного повозиться, чтобы переставить часть ее товара. В результате его презентабельность заметно возросла. Маруся не возражала. Еще бы! Речь ведь шла о возможности заработать больше денег.

Когда перестановка закончилась, она только пристально посмотрела на меня. Взгляд у нее был и оценивающим, и изучающим одновременно. Чувствовалось, что в ее голове зреет какая-то мысль. Но виду не подала.

Вообще, как мне пришлось вскоре в этом убедиться, Петровну отличало наличие внутреннего чутья, заменявшего ей научные знания. Например, она «спинным мозгом чуяла» потенциального покупателя, мгновенно определяя празднующихся, пришедших просто на товары поглядеть, и человека с серьезными намерениями. На первых она не реагировала и даже не утруждала себя ответами на их вопросы. Маруся просто поворачивалась к ним спиной, не забывая одновременно зорко следить за товаром. Не ровен час стащат чего-нибудь. А вот настоящего покупателя она примечала еще издалека. И как только он оказывался в непосредственной близости, начинала «палить по нему из всех орудий». Интуиция никогда ее не подводила. Сплетенная словесная паутина цепко держала «жертву». В результате деньги из кармана «жертвы» перетекали в карман Марьи Петровны.

Сравнение с паутиной пришло ко мне не случайно. Петровна действительно напоминала паука, раскинувшего сети и спрятавшегося в укромном месте. Только этим укромным местом служил уголок с импровизированным столиком и пуфиками.

На столике стояли стопки и пластмассовые тарелки с нехитрой закуской. Благо проблем с этим не было. По рынку постоянно сновали люди с небольшими тележками, предлагая то кофе, то чай, то бутерброды, то горячие обеды. Водку Маруся с собой не привозила, предпочитая покупать ее в близлежащем магазине, посылая в него гонца по мере надобности. Быть таким гонцом тоже входило в мои обязанности. Бутылки с водкой не выставлялись, а, наоборот, прятались за пустыми коробками из-под товара.

Сходство с паучихой дополнялось ее нарядом. При выезде на рынок Петровна всегда одевалась одинаково: свободного покроя цветастый блузон с открытой шеей, где красовалась массивная золотая цепь, и короткие черные брючки чуть ниже колена, из-под которых выглядывали такие же черные ажурные гольфы. В общем, выглядело это довольно смешно, но Маруська далеко так не считала, а я не стал ее разочаровывать.

В своем уголке Марья Петровна редко пребывала в одиночестве. К ней постоянно подходили какие-то люди. Были среди них и весьма солидные, которых она щедро угощала. Другие обращались к ней с просьбой приобрести у них товар. И если предложение ее устраивало, Маруська назначала свою цену. Естественно себе не в убыток. Расчеты редко производились сразу.

Через пару часов после открытия рынка к Петровне присоединились ее товарки. Такие же торговки, как и она. Оставив свой товар на попечение соседей, они появились почти одновременно. Затем ушли, а потом снова пришли. И так целый день – то приходили, то уходили. Причем с каждым разом время их пребывания у Маруски увеличивалось.

Началось все вполне безобидно. Вроде бы зашли поздороваться и засвидетельствовать свое почтение. Радужная хозяйка, естественно, предложила пропустить по рюмочке. Слово за слово. За первой стопкой последовала вторая, затем третья. Самое интересное так это то, что Петровну спиртное вроде бы и не брало. Во всяком случае, по ее поведению это было незаметно. А вот ее товарки менялись прямо на глазах.

Особенно воздействие алкоголя проявлялось на Ольге – торговке верхней одеждой. Женщине средних лет, расположенной к полноте, с округлыми миловидными чертами лица и длинными темными волосами. Одевалась она весьма эффектно, служа своеобразной витриной продаваемого ею товара.

Из ее разговоров с Маруской я понял, что Ольга была не замужем и жила вместе с каким-то иностранцем-фирмачем. Он-то и снабжал ее заграничными вещами. Свое пребывание на рынке она расценивала не как занятие бизнесом, а как возможность побыть на людях, вырваться из замкнутого круга домашних дел. Такие вопросы как продажи и выручка ей были безразличны. Ее не волновала даже возможность потери части товара. Ведь могут и украсть по недосмотру. Все равно сожитель ей простит...

Меня удивляла такая самоуверенность. Видимо тому просто негде было жить. И этого человека вполне устраивало, что в рабочие дни Ольга почти не пила, а хлопотала по дому, обстирывая его и готовя ему разносолы. Другого объяснения у меня не было. Кому нужна невменяемая от алкоголя баба? От возлияний у нее даже лицо менялось. Из миловидного превращалось в одутловатое с черными кругами под глазами.

Забавно было наблюдать и за второй Марускиной товаркой – Людмилой, специализировавшейся на продажах изделий из стекла и хрусталя. Люда была моложе Ольги и являла собой полную ее противоположность. Высокая, со стройной фигурой, с коротко подстриженными светлыми волосами. Облегающий спортивный костюм выгодно подчеркивал ее женские достоинства. А темные очки, задранные на голову, вносили дополнительный шарм. Милин лоток располагался во втором ряду, и от Петровны наблюдать за ним было невозможно. В отличие от Ольги, Люда занималась торговлей серьезно, рассматривая ее как единственный источник зарабатывания денег на жизнь. Поэтому появлялась она у Маруски гораздо реже. От стопки явно не отказывалась, чтобы не обижать Петровну. Но в то же время постоянно стремилась перевести разговор в интересующую ее плоскость, чтобы выведать, какие планы у администрации рынка по его развитию, будет ли упраздняться торговля с лотков, а если будет, то куда их могут перевести, и во что это может вылиться с финансовой точки зрения.

Петровна располагала обширными связями, в том числе и в руководстве рынка. Эти связи являлись гарантом успеха ее бизнеса. Естественно она знала все, что происходит и была вынуж-

дена отвечать, но делала это неохотно. Поэтому Людмила выжидала, пока Маруся не расслабится. Придет, поговорит ни о чем, понаблюдает и назад, к своему лотку.

Меня весьма удивило, что такая женщина, как Марья Петровна, поддерживает дружеские отношения со столь разными людьми, позволяя себе при этом задурманивать голову алкоголем. Но, видимо, у Маруся был свой расчет, и такое положение вещей ее вполне устраивало. Ведь Петровна просто так ничего не делала.

Часам к трем поток посетителей заметно поредел, и торговцы начали сворачиваться. Сначала я стал помогать Петру. Маруся хотела выжать из отведенного времени максимум возможного и поэтому не спешила убирать товар на своем, наиболее выгодном, торговом месте.

Мы с Савельичем аккуратно упаковали изделия, выставившиеся на продажу, в картонные коробки, не забыв переложить их смятыми старыми газетами. Затем сложили палатку и, погрузив все на тележку, которую мне дала Людмила, отвезли наше имущество к контейнеру. Петр поставил коробки, а также мешок с палаткой на строго отведенные для этого места, после чего мы пошли собирать Петровну.

Через час все было убрано и загружено в контейнеры. И только валявшийся повсюду мусор напоминал, что еще совсем недавно здесь шла оживленная торговля. Выросшие, словно из-под земли, дворники принялись наводить порядок и махать метлами, словно замечая за нами следы.

По дороге домой Петр коротко отчитался о проделанной им работе. По лицу Маруся было видно, что она не совсем довольна его результатами.

– Да, продавец из тебя никудышный, – со вздохом подвела итог Петровна. – Баранку крутить куда лучше получается.

Приехав домой, Петр стал загонять машину в гараж, а мы с Марусяй прошли к ним в дом. Она предложила, было, переночевать у них в гостевом домике, но я под благовидным предлогом отказался. Дескать, ребята ждут обещанных гостинцев.

– Ах, да! – с сожалением воскликнула Марья Петровна и скрылась на пару минут в соседней комнате. Вернувшись, она протянула мне увесистый пакет со словами: – На вот! Держи! Свои обещания выполнять надо. Тут ты прав. Ладно. Завтра утром приходи, как договаривались...

По дороге к выходу меня окликнул Петр:

– погоди! Я тут с Джеком прогуляться решил, заодно и тебя немного проводим.

Услышав свою кличку, овчарка радостно завилыла хвостом и негромко заскулила, глядя на нас умными глазами.

«Все понимает. Только сказать не может. А преданная какая!» – мне так и захотелось погладить псину по голове.

Савельич пристегнул поводок, и мы не торопясь пошли по направлению к свалке. По пути он нырнул в кусты и спустя мгновение появился вновь с бутылкой пива в руке.

– Хочешь? – Петр протянул мне бутылку.

– Нет. Не хочу, – ответил я и, решив смягчить свой отказ, добавил: – Тут и одному мало.

– Что верно, то верно, – с облегчением ответил тот и сделал большой глоток.

Мне показалось, что Джек с осуждением посмотрел на своего хозяина. Петр отстегнул поводок, предоставив псу полную свободу. Тот по достоинству оценил этот поступок и грациозно зашагал сбоку от нас, изредка отбегая, чтобы, забавно задрав лапу, справить свои собачьи дела.

Петр Савельич почти не обращал внимания на своего питомца. Без умолку болтая, он прерывал свою речь только для того, чтобы промочить горло. Петр начал издали, рассказывая, как в детстве увлекался машинами, затем вдруг перескочил совершенно на другую тему и принялся за повествование о своем знакомстве с Марьей Петровной. А потом, ни с того ни с сего, вспомнил, как спасал Джека от чумки.

– Когда мы его взяли, – повернул голову в мою сторону Савельич, словно вспомнив обо мне, – он был еще совсем маленьким щенком. Таким забавным. Лапы широченные. Хвостик маленький. Глаза умные. А шустрый какой! Бросишь ему мячик, а он давай его грызть. Энергии хоть отбавляй! А как за палкой бегал! Бывало, я брошу ее подальше, а он стремглав за ней. Если потеряет из виду, то по запаху найдет, возьмет ее в зубы и ко мне. А я ему что-нибудь вкусненькое на ладошке взамен протяну. Как поощрение. Прошло немного времени, смотрю, а Джек какой-то квелый стал. Я ему ключи от машины бросаю, а он почти не реагирует. Что-то явно не так. Я к ветеринару. Он в городе живет...

Далее пошел длинный рассказ о ветеринаре, суть которого сводилась к следующему: Им оказался черно-лиловый негр, сын вождя какого-то племени из Центральной Африки. К нам в страну он приехал давно. На учебу. Женился на местной девушке, которая училась вместе с ним на том же факультете. Животных он любил, а специалистом был отменным. Вот и пошла о нем молва...

– Приезжаю я вечером к Шейху, так звали этого негра, – увлекшись, продолжал Петр. – Звоню в дверь. Тот открыл, а меня чуть кондрашка нехватила. Представляешь, появляется этакий шкаф, семь на восемь, восемь на семь, в белой майке и такого же цвета трусах. Весь черный, аж лоснится. Ну, думаю, все. Глюки начались. Но тот вдруг широко улыбнулся. Страх у меня и прошел. Короче. Рассказал я ему о своей беде. Негр выслушал меня и, попросив подождать в коридоре, скрылся в комнате. Вскоре он вернулся уже одетым и с чемоданчиком в руках, заявив, что готов ехать. При условии, если я довезу его потом до дома.

Тут Петра снова понесло в сторону, и он принялся вдруг говорить об Алле, жене Шейха. О том, какой у них славный сынишка, которому достается от его сверстников за то, что не похож на них. Савельича уносило все дальше и дальше. А мне стало интересно узнать, как проходило лечение собаки. Она, хоть и походила внешне на наших домашних питомцев, но отличия в анатомии возможно имелись.

– Ну и что было с Джеком? – задал я вопрос, когда Савельич на мгновение замолк, чтобы вдохнуть воздуха в легкие.

– С Джеком? – переспросил меня Петр и, возвращая свои мысли в прежнее русло, продолжил: – Ах, да... Так вот...

Не стану утомлять вас, дорогие читатели, излишними здесь подробностями обследования и лечения собаки. Отмечу только, что Джеку пришлось поставить капельницу, а Савельичу ее держать и потчевать в дальнейшем специальными пилюлями.

Так за разговорами мы дошли до конца улицы. Еще немного – и свалка. Но тут в поведении овчарки произошли резкие изменения. Шерсть у нее встала дыбом. Инстинкт есть инстинкт. Стоило Джеку увидеть кошку, как он тут же забыл о необходимости соблюдать приличия и вести себя достойно. Стремглав бросившись за зверьком, разъяренная псина перестала реагировать на команды Петра.

Котьяра вскарабкался на ближайшее дерево с быстротой молнии. Забравшись на приличную высоту и почувствовав себя в безопасности, пушистик устроился на толстом суку и, свесив хвост, с презрением шипя, стал взирать на заходящегося от лая Джека, всем своим видом как бы говоря:

– На-ка! Выкуси!

Пес встал на задние лапы, опершись передними на ствол дерева, и, задрав морду, громко лаял, словно отвечая:

– Погоди! Только спустись...

Он так и продолжал бы лаять, если бы не Петр. Савельич подошел к Джеку и, пристегнув поводок к строгому ошейнику, оттащил разъяренного пса от дерева.

Мы двинулись дальше, держа собаку на поводке. Овчарка быстро успокоилась, а Петр счел нужным пояснить, что раньше Джек так себя не вел. Это был добродушный щенок, не

проявлявший агрессивности по отношению к кошкам. Наоборот, из него так и выпирало добродушие. И любопытство тоже. Он так и норовил познакомиться со всеми, естественно, на свой манер.

– А как собаки знакомятся? – задал вопрос Савельич. И не дожидаясь моей реакции, ответил: – Обнюхивают, суют морду к объекту своего интереса. Все бы ничего. Но однажды кошка не поняла мирных намерений Джека и с шипением оцарапала бедняге нос своими острыми когтями. С тех пор пса как будто подменили. Стоит ему увидеть какого-нибудь котяру, его сразу же клинит. Он готов разорвать любого, за исключением Муськи. Это наша кошка. Они, как ни странно, дружат. Даже иногда спят вместе. Вот ведь как бывает...

✓Так за разговорами мы незаметно подошли к началу свалки.

– Джек! Фу! – прервал свой рассказ Петр, резко дергая поводок. – Дальше не пойду. Здесь за собакой только глаз да глаз. Еще отраву какую схапает. Лечи его потом, если не сдохнет... Ладно, мы потопали... До завтра!

– До завтра! – отозвался я, пожимая протянутую мне Савельичем руку.

В «берлоге» вся компания была в сборе. Мои товарищи уже под изрядным хмельком с нетерпением ожидали моего возвращения для продолжения банкета. Выставив на стол принесенное «горючее» и продукты от Маруськи, я, сославшись на недомогание, вышел из насквозь прокуренного вагончика на воздух. Помешав накрытые на ночь картонками ягоды, я уселся на пенек и, уставившись на небо, глубоко задумался.

Подведя итоги сегодняшнего дня, я остался собой доволен. Пожалуй, впервые с момента моего незапланированного появления на этой планете.

«Итак, что мы имеем? – размышлял я. – Мне удалось еще раз удивить Маруську. Причем, в той области, где она считает себя непревзойденным авторитетом. Мои советы по раскладке товара в зависимости от их цвета не остались незамеченными. Хотя виду Петровна и не подала. Завтра надо попробовать себя в качестве продавца, ненавязчиво напросившись помочь Петру. Мужик он, вроде, ничего. Буду развивать с ним отношения. А там посмотрим».

Мои мысли сосредоточились на том, как завтра лучше организовать торговлю. Главное – добиться большей выручки, чем у Савельича. Марья Петровна оценивает людей по той пользе, которую они ей приносят. Это очевидно. И если я хочу в дальнейшем на нее опереться в решении своих задач, то мне необходимо сделать так, чтобы она сама захотела мне помочь, видя в том свою выгоду.

Придя к такому умозаключению, я попытался систематизировать свои знания по торговле. Но не просто в этой области, а именно в том, что касается сбыта товара с лотка. В результате мне удалось сформулировать ряд положений или правил, которые могли помочь в реализации задуманного.

Положение первое. Это умелая выкладка товара с целью максимального привлечения внимания. Мои сегодняшние действия показали, что моих знаний достаточно для решения такой важной задачи. Но одного привлечения внимания мало. Человека надо заинтересовать. И заинтересовать так, чтобы он сам пришел к мысли о необходимости совершить покупку. А для этого есть второе правило.

Не навязывать явно потенциальному покупателю товар или свое мнение. Но и не стоять истуканом, а заметив интерес человека, подвигнуть разговор о нем самом. Потом перевести его на предмет возможной покупки. Причем так, чтобы он согласился, если не явно, то хотя бы в душе, с тем, что без этого предмета ему не обойтись. И только потом сделать предложение. Оставалось надеяться, что и с этим мне удастся справиться.

Сформулировав для себя еще несколько моментов, чтобы учесть их в завтрашнем мероприятии и оставшись довольным своими выводами, я отправился спать.

Утром мне не пришлось делать над собой очередное усилие, чтобы не показывать свое истинное отношение к неправильным с моей точки зрения поступкам Потапыча и остальных

обитателей вагончика. Сделав утреннюю зарядку и приняв водные процедуры, я почувствовал себя готовым к новым приключениям и в назначенное время уже стоял возле дома Маруськи. Джек, узнав меня, приветливо завилял хвостом. Как все-таки собаки чувствуют истинную сущность людей! Не зря они, как, впрочем, и кошки, кошки в особенности, являются своеобразными контактерами с существами тонкого, не видимого для нас, мира.

Нашим ученым удалось в определенной степени разгадать некоторые загадки Вселенной. В частности, они установили, что помимо различных энергоинформационных сущностей, возникающих и существующих по своим законам, есть еще бесконечное число измерений пространства с бескрайним количеством миров, накладывающихся друг на друга и, составляющих в совокупности единое целое. Человеку, живущему в трехмерном измерении, трудно представить, как выглядят существа из четвертого измерения, не говоря уже о пятом или шестом. А вот домашние питомцы на них реагируют. Есть, конечно, и среди людей отдельные индивидуумы, обладающие сверхспособностями, но таких единицы. К тому же они предпочитают свои паранормальные возможности не афишировать...

– Пришел уже? Отлично! Иди, переодевайся! – увидев меня, воскликнула Марья Петровна.

Вчера, когда мы вернулись с рынка, чтобы не измять и не испачкать костюм, выданный мне Петром, я переоделся в свою старую одежду. Теперь мне предстояла обратная процедура.

Тем временем Савельич выгнал машину из гаража. Мы быстро погрузились и минут через сорок прибыли на место – дорога была на удивление свободной. Торговцы «блошиного рынка» уже заняли облюбованные ими места и неторопливо раскладывали свой нехитрый товар. У меня вдруг возникло ощущение, что я вернулся во вчерашний день. И дальнейшие наши действия это впечатление только усиливали.

Как и вчера, я помог Маруське с выкладкой товара. Потом заявили Ольга с Людмилой, и все пошло своим чередом. Предоставленный самому себе, я некоторое время наблюдал за редкими покупателями. Видимо, в воскресенье основная их масса не спешила за покупками, предпочитая понежиться в постельке.

Улучив момент, когда обе Петровнены товарки ушли проведать свои торговые места, и она осталась на несколько минут в одиночестве, я, как бы невзначай, заметил, что не худо было бы помочь Петру и, в частности, показать и ему, как правильно осуществлять выкладку товара с учетом воздействия цвета на потенциальных покупателей.

– Давай! – с готовностью согласилась Марья Петровна. – Сейчас ты мне здесь все равно не нужен, а там, глядишь, пригодишься.

Получив такое своеобразное благословение, я прямехонько направился к Савельичу. Тот с унылым видом восседал на складном стульчике, тупо уставившись на столик с товаром. Чувствовалась, что мыслями он где-то очень далеко.

– О чем задумался? – прервал я его размышления.

– Да так, – сначала замялся он. Но потом, широко улыбнувшись, явно радуясь моему появлению, простодушно признался: – Как представляю сегодняшний вечерний разговор со своей благоверной, так тошно становится. Продавец-то из меня никудышный. Ты не представляешь, какой разгон Марья мне вчера учинила, когда мы с Джеком вернулись с прогулки. Это она при тебе сдерживалась, но потом выдала по полной. Понимаешь, ну не получается у меня. Выручка мизерная. Доход от такой торговли нулевой. А расходы-то покрывать надо, да и себе на жизнь заработать не мешало бы. И что получается? Даже на пиво не хватает. Вот если водителем где подработать – другое дело. Тут я как рыба в воде. Но стоит только за лоток встать – все. Сливай воду...

– Ладно. Не тужи. Что-нибудь придумаем, – мне почему-то очень захотелось помочь бедняге. – Давай! Показывай! Что тут у нас с товаром?

Успокоив, как мог, Петра, я отошел на пару шагов от лотка, чтобы взглянуть на него глазами покупателя. Затем вернулся и полностью переставил весь товар. Петр Савельич не вмешивался, полностью передав инициативу в мои руки. Минут через двадцать все было готово.

– Да-а-а... – только и смог произнести Савельич, оценивая результаты моих действий. – Мне так никогда не смочь.

– Захочешь – научишься! На шофера-то выучился? Да еще на какого! Таких, как ты, днем с огнем не сыскать. Вот из меня, например, водитель – никакой...

– Ну, это поправимо, – заметно повеселев, ответил Петр, явно проникаясь ко мне симпатией. – Ты – парень толковый. Сразу видно. Шоферить легко научишься.

Так, обмениваясь любезностями, мы и начали нашу совместную торговлю, испытывая друг к другу все возрастающую симпатию, которая в дальнейшем переросла в крепкую мужскую дружбу.

Для исполнения моего замысла мне необходимо было как можно лучше ознакомиться с товаром. Поэтому я стал задавать Петру разные вопросы, хотя и понимал, что в этом деле от него будет мало проку. Но кое-что выяснить удалось. Помогли также надписи на некоторых изделиях. В общем, примерно через час я подготовился к разговору с покупателями. И они не заставили себя ждать. Провидение явно было на моей стороне.

На какие только ухищрения мне не приходилось идти, чтобы побудить людей сделать покупку. Вот только один пример. К нам подошел одетый с иголки мужчина средних лет с весьма округлым брюшком. Пробежавшись глазами по разложенному товару, он взял в руки фигурку бронзового средневекового рыцаря, отлитого в полный рост и установленного на мраморном пьедестале. Повертев ее и так и сяк, толстяк уже сделал, было, движение поставить вещицу на свое место.

– Сразу чувствуется вкус у человека, – обращаясь к Петру, заметил я. И, как бы невзначай, добавил: – Такие рыцари только у немецких дворян высокого происхождения в их родовых замках на письменных бюро стояли.

– Правда? – задержав руку, уже более заинтересовано переспросил мужчина.

– Конечно. Видите прикрепленную к мрамору небольшую табличку? Что там написано?

Этим вопросом мне удалось вновь обратить внимание клиента на статуэтку и разбудить его любопытство. Дальше все прошло как по маслу. Переключив разговор на самого покупателя, я выяснил, что тот считает себя потомком древнего рода. После этого мне не составило труда убедить толстяка в том, что перед ним настоящий раритет большой ценности, который в антикварном магазине стоил бы в несколько раз дороже. Заломив сначала немислимую цену, я тут же значительно сбавил ее, подчеркнув, что делаю это исключительно из уважения к его происхождению. Начался торг, который закончился к нашему обоюдному удовольствию. Мужчину даже поблагодарил меня.

– Ну, ты и даешь! – с восхищением воскликнул Савельич, когда покупатель с довольным видом удалился. – Мастер. Ничего не скажешь. Талант! Ладно. Давай так. Ты тут хозяйничай, а я пока пивком на вечер затарюсь. Ну и Марью навещу. Посмотрю, как она там.

Петр так жалостливо посмотрел на меня, что мне ничего не оставалось, как согласиться. К тому же я рассчитывал, что он, в силу своего характера, не удержится и обязательно расскажет Маруське о моих талантах. Дальнейшее развитие событий показало, что мои расчеты оказались правильными.

Я остался «хозяйничать», а Савельич, сразу же повеселевший, отправился по своим делам. В течение оставшегося торгового дня он навещался ко мне всего пару-тройку раз. Придет, постоит немного, понаблюдает, как идет торговля, задаст несколько ничего не значащих вопросов, сам же на них ответит, и след простыл.

В одиночку мне было проще работать с покупателями. И я старался изо всех сил. В мои планы ведь входило намерение произвести на Марью Петровну максимально благоприят-

ное впечатление. Она была единственным человеком из моих нынешних знакомых, который реально мог мне помочь выбраться со свалки. В последний раз Петр появился уже тогда, когда пришло время сворачивать лоток и готовить товар к складированию в контейнере. Хитро подмигнув мне, он поведал, что сегодня у нас будет знатная прогулка с Джеком, так как завтра ему за руль не садиться, а, следовательно, можно будет позволить пропустить не одну бутылочку пивка.

Мы быстро свернулись и уже вдвоем направились к Петровне. Я отчитался за выручку и помог собрать оставшийся товар. Мне еще не доводилось видеть Маруську в таком приподнятом настроении. Она быстро пересчитала деньги и, убедившись в правильности моего отчета, внимательно посмотрела на меня.

– Наслышана, наслышана о твоих талантах! Петро мне все уже рассказал. Честно говоря, не верила, что такое возможно для человека, который не имеет богатого личного опыта в продажах.

Всю обратную дорогу домой она шутила и подтрунивала над Савельичем. Тот, в свойственной ему манере, без умолку болтал. Я же, глядя на эту пару, едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Как все-таки мало надо человеку для счастья!

Зайдя домой, Марья Петровна первым делом протянула мне видимо заранее собранную сумку с продуктами и «горючим». Затем попросила Петра слазить в погреб за квашеной капустой и огурцами.

– Надо отметить твой дебют на рынке. Сумку поставь! Я ее тебе дала, чтобы потом не забыть. Свое слово держать надо. Не то Потапыч мне всю плешь проест. Но это для него. Ты же давай мой руки и садись за стол. Праздновать будем. Заслужил.

Тут вернулся Петр, неся соленья, и подмигнул мне.

– Мы с Василием потом с Джеком прогуляемся, если не возражаешь, – обратился он к хозяйке дома. Как потом выяснилось, Савельич не только успел слазить в погреб, но и выгрузить пиво из багажника своей машины и даже припрятать его.

Марья Петровна не возражала. Она быстро накрыла на стол. Как по мановению волшебной палочки откуда-то появился холодный шашлык, домашнее сало, запотевший хрустальный графинчик с водкой, красивые стопки с изображением различных животных. Мне достался кабан, а Петровне – заяц. Петру она поставила расписанную забавными картинками керамическую кружку с серебряной крышкой.

– Он у меня водку не пьет. Пиво предпочитает. Вообще я это его пристрастие не поощряю, но сегодня другое дело. Прошу к столу, – Маруська широким жестом пригласила нас присаживаться. – Петруха! Чего сидишь? Наливай, давай! Обмоем сегодняшнюю удачу!

Застолье прошло весело. Признаюсь, давно мне не доводилось так вкусно поесть. Савельич все подливал и подливал водку, будто не замечая, что моя стопка оставалась почти нетронутой. Петровна быстро захмелела, видимо сказались ее возлияния с товарками на рынке. Почувствовав это, она, сославшись на усталость, встала из-за стола, и, извинившись, ушла спать, не преминув напомнить мне, чтобы мы завтра с Потапычем не опаздывали.

Я помог Петру убрать со стола и, прихватив сумку с продуктами, присел на крыльце в ожидании, пока тот собирался на прогулку. Через несколько минут он вышел, и мы направились к Джеку. Овчарка, увидев в руках Савельича поводок, весело залаяла и радостно завилыла хвостом. Не успел он наклониться, чтобы поправить ошейник, как она принялась лизать его лицо языком.

Петр Савельич предложил изменить маршрут и прогуляться до соседней улицы.

– Надеюсь, ты не очень спешишь на свалку? Пойдем, я тебе одну полянку покажу, а заодно и поговорим.

Он снова, как и вчера, нырнул в кусты. Но на этот раз появился не с одной бутылкой пива, а с целой сумкой.

– Сегодня никаких возражений. Я угощаю. Попробуй. Это мое любимое. Думаю, тебе понравится, – как всегда скороговоркой выпалил Петр и, не выслушав ответа, дернул Джека за поводок.

Мне не хотелось омрачать наши отношения, которые становились все теснее. Тяжело вздохнув, я повинился. На вкус пиво оказалось довольно горьким напитком.

«И чего хорошего он в нем находит?» – подумал я, но предусмотрительно промолчал.

Полянка оказалась поросшим травой полем, с двух сторон которого виднелись ворота с натянутой на них сеткой. По бокам этой вытянутой площадки, врытые прямо в землю, стояли деревянные скамейки. Вокруг не было ни души. И только карканье ворон, да бесконечное бормотание Петра нарушали повисшую в воздухе тишину.

– Здесь наши мальчишки в футбол гоняют, – прервал Савельич свое нескончаемое повествование о каких-то тормозных шлангах. Привязав Джека к скамейке, он уселся на нее верхом и жестом пригласил меня сделать то же самое.

– Я хочу с тобой поговорить, – важно произнес Петр.

«А до этого что было? – с тоской подумал я. – Если он считает свой бесконечный монолог молчанием, что же меня ожидает сейчас?»

– Так вот, – начал он, сделав большой глоток, осушив чуть ли не половину бутылки.

Далее Савельич заявил, что ему сделали очень выгодное предложение. Как всегда он начал издали. Предложение исходило от одного их общего с Маруськой знакомого. Далее последовал подробный рассказ об этом человеке, начиная с его школьной скамьи. Повествование то и дело отклонялось от главной линии, перемеживаясь то описанием супруги, то, ни с того ни сего какой-то машины. В общем, Петр был в своем амплуа. Из его сбивчивого изложения я только понял, что в прошлом их приятель руководил каким-то силовым ведомством. Каким именно уловить было трудно. А сейчас является владельцем крупного бизнеса.

Я устал слушать несвязанный рассказ Савельича и переключился на свои мысли, а когда вновь обратил внимание на его речь, то обнаружил, что он только-только подобрался к самой сути.

– Представляешь! – Петр допил очередную бутылку и с воодушевлением продолжил. – Предстоит поездка на машине к морю. Я, естественно, за рулем. Для этого меня и приглашают. Не сахар, конечно, столько верст отмахать. Но зато, когда мы приедем, мне будет предоставлена полная свобода, за исключением редких выездов на пикник или еще куда. А в остальное время: море, солнце... В общем, делай что хочешь. Все оплачено. Сказка, а не жизнь!

Мечтательно закатив глаза, Савельич откупорил очередную бутылку и продолжил:

– Я и не знал, как к своей благоверной подойти. В прошлые разы, это не первая такая поездка, она не возражала. Марья у меня мировая женщина. Говорит, что мужика надо иногда отпускать на длинном поводке, чтобы побегал, да сил набрался... Джек! Фу! Выплюнь эту гадость!

С этими словами Петр переключился на собаку, но тут же вернулся к главной мысли:

– Так вот. До рынка и обратно супружница моя и на такси доберется. Не впервой. Но загвоздка в том, что наша лоточница уволилась. А для Марьи Петровны потеря в выручке равносильна смерти. Сегодня ты себя показал с наилучшей стороны. Вот мне и пришлось в голову попросить тебя подменить меня на лотке. За мной не заржавеет, я добро не забываю, а с Марьей как-нибудь договорюсь. Так что? Лады?

– Подумать надо, – уклончиво ответил я. Но это было сделано для виду. Мне сразу стало понятно, что судьба подбросила тот самый выигранный лотерейный билет, который выпадает не так уж и часто.

– Да чего тут думать? Соглашайся! – напирал Петр. – Ну, пожалуйста! Не пожалеешь!

– Ладно, – сдался я. – Ты и мертвого уговоришь. Но, смотри! Дал слово – держи...

– Естественно! – радостно воскликнул Савельич. – Ты на меня всегда можешь рассчитывать. А сейчас давай вспрыснем наш уговор.

– Когда уезжаешь?

– В эту среду. Ну, давай за нас, за мужиков!

Мы чокнулись бутылками, допили пиво и отправились в путь. Джек грациозно бежал рядом, будто понимая важность нашей договоренности. На счастье кошек не подалось, и через несколько минут показалась граница свалки. Тепло попрощавшись, каждый из нас пошел своей дорогой. Петр Савельич – домой, а я – в «берлогу». Но что-то подсказывало мне, что скоро этот этап в моей жизни закончится.

На следующей неделе Петр, как и говорил, уехал, а нам с Потапычем пришлось отложить на время работы по возведению фонтанов и заняться колодецем. Прибыла машина с заказанным Маруськой шунгитом.

– Интересно, – задумчиво потерев бороду, произнес Михаил. Он подошел к деревянному срубу, открыл дверцу домика и заглянул вовнутрь: – А что там на дне?

– Да кто его знает, – откликнулась подошедшая Петровна. – Мы когда участок покупали, колодец уже был. Нам и не к чему. Есть вода и есть. Чего еще-то?

– Колодец надо предварительно почистить. Трудно сказать, что могло в него угодить при прежних хозяевах. Затем шунгит желательно аккуратно уложить, а не просто побросать его в колодец, – я указал на мешки, в которых лежали небольшие черные камни размером от пяти до двенадцати сантиметров. – Вода – основа жизни. Уникальная субстанция, способная записывать и передавать информацию. В том числе и о том, как работать клеткам нашего организма. Если относиться к ней с любовью, то и она не останется без ответа. Отплатит сторицей. Может даже излечить от болезней. Если интересно, как-нибудь расскажу об этом.

– Конечно, интересно, но все-таки поясни, для чего эти камни надо выкладывать, а не просто побросать их в колодец, – попросила Маруська.

– Можно, конечно, и побросать. В таком случае гарантии в том, что шунгит распределится равномерно, не будет. А нам важно добиться, чтобы работала максимально большая площадь его поверхности, на которой будут осаждаться вредные примеси. Все равно для чистки колодца воду придется выкачивать. Грех не воспользоваться такой возможностью. Потом, с периодичностью в несколько лет, желательно производить дозасыпку шунгита для улучшения выполнения им своих задач.

– Он дело говорит, – вмешался Потапыч. – Однако пора и за работу. Лясы потом точить будем.

Для начала мы приготовили длинную толстую веревку, связав воедино несколько буксировочных тросов. Благо у Петра в гараже был запас. Потом подсоединили к водомету – мощному насосу – длинный шланг и протянули его по участку так, чтобы отвод воды максимально использовать для полива клумб и грядок.

Пока откачивалась вода, мы аккуратно сняли со сруба домик, прикрывавший жерло колодца. Потапыч приволок откуда-то длинную лестницу. Затем соорудил мерник глубины, прикрепив к бечевке кирпич в качестве грузила. Когда стало проглядывать дно, мы замерили глубину и осторожно спустили лестницу в колодец, предварительно привязав к ней веревку. Начался самый ответственный этап операции.

Обвязавшись веревкой и держась за цепь колодезного ворота (ворот мы специально оставили), Михаил стал осторожно спускаться, используя выпуклости бревенчатого сруба как опору. Мне же он поручил страховать его наверху. Когда мой напарник ступил на перекладины лестницы, у меня возникло ощущение, что с моих плеч сняли тяжелый груз. Вытерев пот со лба, я с облегчением вздохнул и с любопытством стал наблюдать, что будет дальше.

Некоторое время ничего интересного не происходило. Мы вытащили со дна четыре насквозь проржавевших ведра и прочий хлам, который уронили в колодец нерасторопные хозяева. Между тем уровень воды в нем начал подниматься. Пришлось вновь включать насос.

Джек вылез из своей будки и, улегшись на травке, с интересом взирал за происходящим. Муська, хозяйская кошка, тоже не осталась безучастной. Брезгливо потрогав лапой воду в натекшей большой луже, она быстро ретировалась и устроилась на крыше собачьей конуры. Петровна, опершись локтями на сруб, присматривала за нашими действиями. В общем, все были при деле.

После очистки дна колодца от накопившегося там хлама, наступил второй этап – укладка шунгита. Я спускал на веревке мешки с камнями, а Потапыч равномерно распределял их на глубине. Вскоре работа была закончена, и Михаил стал осторожно подниматься вверх. Сначала по лестнице, а потом, как заправский акробат, по цепи, упираясь ногами в стенки сруба. И все бы ничего, как вдруг случилось непредвиденное.

Штанина брюк Потапыча зацепилась то ли за сучек, то ли еще за что. Михаил и так, и сяк. Никакого результата. Застрял. Тогда он, что есть силы, дернул ногой. А штаны-то были далеко не новыми, да и мокрыми к тому же. Вот нитки и лопнули. Уж не знаю как, только разошлись брюки по всем швам и свалились с ног. Гляжу, а Мишка-то по пояс совсем голый. Начал он пытаться одной рукой подтянуть штаны, да не тут-то было.

Потапыч от стыда совсем голову потерял, а Марусяка сверху над ним подшучивает. Дескать, с таким «хозяйством», имея в виду его мужское достоинство, не колодцы чистить, а в пору за пропуском в женскую баню отправляться, подносчиком воды в тазах устраиваться. Джек, глядя на заходящуюся от смеха хозяйку, принялся залиристо лаять, а Муська спрыгнула на землю и, поджав хвост, прижалась к овчарке. Масла в огонь подлила соседка, притаившаяся за забором и с любопытством наблюдавшая за происходящим. Не выдержав, она стала громко вспоминать, какая великолепная в поселке была баня в годы ее молодости.

В довершение всего Марусяка, сделав неосторожное движение, нечаянно столкнула с края сруба отрез марли, приготовленной для процеживания воды. Марля полетела вниз и, раскрывшись, накрыла голову Михаила наподобие паранджи. Тут не выдержал и я, захохотав, что было мочи. Потапыч принялся громко материться, вспоминая какую-то «Бенину маму». А тут еще соседские собаки подняли концерт, стараясь перелаять друг друга. Джек, естественно, тоже не остался в стороне. В общем, поднялся такой шум и гвалт, что в пору санитаров вызывать...

Насмеявшись досыта, Марья Петровна сходила домой и принесла Михаилу относительно новые штаны.

– Наденешь, когда вылезешь, – крикнула она Потапычу. – Не буду больше тебя смущать. Вылезай скорее. Замерз-то как! Весь синий стал. Придется тебя самогоном отпаивать, чтобы не заболел.

Услышав волшебное слово «самогон», Михаил перестал материться.

– Вот это другой разговор, – сразу смягчился он и в скором времени выбрался из колодца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.